VASA INIQUITATIS
СОСУД БЕЗЗАКОНИЯ

Герард Реве

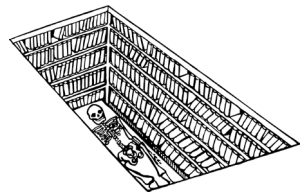
ПИСЬМА ФРАНСУ П.

Перевод
Ольги Гришиной

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 НИД

41†



Gerard Reve
Brieven aan Frans P.

Редактор: Дмитрий Волчек
Обложка: Алексей Кропин
Верстка: Сергей Фёдоров
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

В оформлении обложки использована фотография Герарда Реве (1962)

© Veen, 1984
© Kolonna Publications, 2016

ISBN 978-5-98144-216-2

СОДЕРЖАНИЕ

Теодор Холман. Герард и Булли, 7 5

Герард Реве. Искусство, 15

Герард Реве. Письма Франсу П., 41

Ханс Эверс. Лучше быть алкоголиком,
чем социальным работником, 163

Ольга Гришина. Примечания, 180

ГЕРАРД И БУЛЛИ

В 1965 г. Герард Реве поближе познакомился с Франсом Паннекуком. Они уже прежде встречались на праздниках, которые организовывала Фрици Хармсен ван дер Бек[1]. Эта же художница (оставившая небольшое художественное наследие и, тем не менее, полагаемая многими лучшей нидерландской поэтессой XX столетия) придумала Паннекуку прозвище «Булли ван дер Кнак». «Поскольку, – рассказывал Паннекук, – у меня никогда не бывало ни гроша, я счел, что «кнак»[2] – отличное слово». Булли ван дер К. – так станет называть его Герард.

Франс Паннекук был художником, делавшим гравюры. Человек с «добродушной свинячьей башкой». Трудно сказать, что привлекло в нем Герарда Реве. Возможно, понимание страданий «собрата по искусству», возможно, признание артистического мастерства Паннекука.

---

1 Frederike Martine (Fritzi) ten Harmsen van der Beek (1927–2009) – писательница, поэтесса, художница.

2 На амстердамском сленге – рейксдалдер, или монета достоинством в 2½ гульдена.

Как бы то ни было, он тепло относился к Паннекуку. Они были истинными собутыльниками во Фрисландии, где им нередко приходилось одиноко. Герарду нравилось беседовать с Паннекуком, чьи рассказы были частенько окрашены «еще более восхитительной печалью», нежели его собственные. И все же отношения их были странными, поскольку

с самого начала сделалось ясно, что Герард не принимал богемного поведения Франса и отсутствия дисциплины. «Твое несчастье в том, что тебя в особенности привлекает «живущий на всю катушку» человек. Жить на всю катушку и при этом работать (то есть что-то производить), на мой взгляд, две вещи несовместные. Тот, кто хочет что-то осуществить, должен, – по крайне мере с виду, – жить, как осмотрительный обыватель», делает ему Реве в 1968 далеко не первое предупреждение. Ибо Франс Лодевейк Паннекук жизнь обывателя явно не вел. Он приторговывал автомобилями, множество которых окружало его доставшийся по наследству дом в Пиньюме. Еще он торговал лошадьми – их он страстно любил. Герард писал, что никогда не замечал, «чтобы он когда-либо продал этакого скакуна хотя бы со скромным барышом». Если же, несмотря на это, у Паннекука всё же оставались какие-то деньги, он брал Герарда с собой в бельгийские подпольные игорные дома. Поначалу Герард находил это интересным, ибо атмосфера «всё или ничего» казалась ему

подходящей для книги или рассказа. Но безнадежная игра наудачу в конце концов стала казаться Герарду отвратительной. Он стал бояться ее и, будучи бережливым обывателем, счел ее великим грехом по отношению к деньгам.

«Это был чуждый мне мир…», писал Герард в предисловии к «Письмам к Франсу П».

Дружба с Паннекуком была побуждающим мотивом к одной из наизабавнейших, неумышленных мистификаций. Чтобы помочь Франсу, а также побуждаемый восхищением его работами, Герард задумал издать книгу со своим текстом и несколькими репродукциями офортов Паннекука. Этой книгой стали «Четырнадцать офортов Франса Лодевейка Паннекука: разъяснение Герарда Корнелиса ван хет Реве для рабочих». Рассказ «Искусство» заключает в себе литературный отчет о встрече писателя и гравера, во время которой они время от времени выпивают и много рассуждают об искусстве – превосходный портрет Булли ван дер Кнака, а также и самого Герарда. Это рассказ со знаменитым пассажем: «Открывая вторую бутылку, я внезапно припомнил визит одной артистической бабы, явившейся ко мне с каким-то актером или фотографом; она писала на картоне, «продается великолепно, но мне это до лампочки», – я помню, косясь из кухонного окна на дом и двор наших соседей, она спросила: «А там тоже гомики живут?»

«Тебе бы горящую кукольную коляску в пизду вкатить», – подумал я тогда, но бог знает по каким причинам смалодушничал и промолчал».

Книга состоялась, и за нею даже последовала выставка работ Паннекука, которую открывал Герард. Во время открытия, на котором Паннекук не присутствовал, Герард сказал, что «Франс Паннекук никогда не делал легкой жизнь тех, кто что-то в нем видел». Паннекук, тут уж ничего не поделаешь, «один из художников, которые фатальным образом встают на пути у себя самих…»

Он рассказывает безумную историю о том, как в поврежденной ураганом мастерской Паннекука обнаружил около шестисот «плавающих в воде» оттисков. «Я забрал их домой, высушил на прищепках и решил, с одобрения ли, без него ли, со скандалом ли, без, продать их. […] Разумеется, Франс потом опять брюзжал по всем поводам, и, разумеется, было распродано всё, что никогда не могло бы быть распродано…» Потом, в феврале 1968, с подачи еженедельника «Propria Cures», внезапно возникло предположение, что Герард Реве и Франс Паннекук – одно и то же лицо. Предположение это подхватили многие уважаемые газеты. «Врейе Волк» от 2 февраля 1968 г.: «Франс Лодевейк Паннекук, художник, и Герард Корнелис ван хет Реве, писатель – одно и то же лицо. Ван хет Реве не высказывал нам никаких возражений. Тех, у кого еще остались сомнения

относительно происхождения гравюр и картин, должен убедить фоторепортаж, в котором изображены оба, Реве и «Паннекук». Одна из этих фотографий была помещена в нашей газете по случаю открытия выставки. Человек, стоящий рядом с Реве, это не Паннекук, а один из друзей писателя».

Дело принимало всё более потешный оборот. «Брабант Перс» напрямую спросила писателя, Паннекук он или нет. Да, сказал Герард. Ему затем пришлось доказывать по телевидению, что он не может быть Паннекуком: по требованию он рисовал ферму, деревце, мельницу, кусок сыра и какую-то тварь с пенисом, нечто среднее между псом и ишаком. «Телерисунки Герарда ван хет Реве. В этом произведении искусства, явно вдохновленном пространством, которое окружает жилье Реве в Греонтерпе, обращает на себя внимание положение лопастей мельницы. Они направлены перпендикулярно ветру», констатирует телерецензент.

Однако отношениям между «Булли» и Герардом не суждено было остаться прочными. В марте 1969 г. Реве счел, что будет лучше, если он не станет видеться с Паннекуком. Для этого у него находится множество причин. Он не может больше мириться с состоянием «социального банкротства и пауперизма», которых ищет и которые создает сам художник» – «Из-за этого я слишком много думаю о домашних неурядицах тридцатилетней давности».

Тем не менее, он по-прежнему считает Паннекука талантом: «Ты можешь что-то, но ты ничего не хочешь». Короче говоря, Герард обвиняет его в лености: «Всякое усилие для тебя – это чересчур…» Герард говорит ему, что тот должен напряженно трудиться: «Искусство – в первую очередь упорная, кропотливая работа…»

Вечное «всё или ничего» Герарда. Даже когда он прекращает любовную связь, это вновь по той же причине: тот, другой, всегда хочет всего понемногу. Сходство между письмом к Вими, в котором Реве некоторым образом объявляет разрыв с ним, и прощальным письмом к Франсу Лодевейку Паннекуку бросается в глаза. Он обвиняет и Вими, что никак не добьется от него ясности: «Я полагаю, что нам пора повзрослеть. Если ты не знаешь, чего ты хочешь, и если ты не знаешь – совершенно определенно – что ты понимаешь под моногамией, и если ты не знаешь, хочешь ли ты иметь работу, получить образование или работать с кем-то вместе, например, переводить и оставаться дома, где мы обосновались – если ты всё это, спустя столькие годы, не можешь обстоятельно сформулировать, то лучше не возвращайся, поскольку тогда случится несчастье и я тебя прикончу, ибо, поскольку я люблю тебя, не могу расстаться с тобой, и единственным освобождением от тебя будет твоя смерть. Надеюсь, что это ясно. Я не претендую на четкую разработанную мораль, и, если ты не уверен в каких-то вещах морального плана, лад-

но, но тогда я хочу знать, каково твое мнение относительно практической модели нашего существования, всего-навсего».

Определенность, ясность, всё или ничего.

В точности так же будет обстоять дело позже, когда Герард прервет свои отношения с Эрнестом де Р. (Йозефом Калсом), с которым у него в 70-х был роман. В данном случае это прозвучало так: «…я измучен, & я хочу приговора & решения, поскольку не могу больше мириться с ситуацией в таком виде, в каком она есть. Ты никогда не говоришь, чего ты хочешь. Я желаю тебе самого лучшего & самого приятного & самого великого, что только могу придумать, но, пожалуйста, сделай шаг, о котором я прошу: отпусти и освободи меня или иди со мною к Алтарю».

Всё или ничего, определенность.

Паннекук понимает, что их путям суждено разойтись, и пишет прощальное письмо. «Времена завернутого в газету кувшинчика «Гнома»[3] в задней сумке твоего мопеда, на котором ты уже с раннего утра отправлялся в путь, чтобы вовремя предстать, приплясывая, перед моей постелью и потом, раздевшись до исподнего, распить кувшинчик под утренним солнышком на лужайке перед домом, пророчествуя об искусстве и религии, с наслаждением шокируя благонамеренных проезжих велосипедистов извлеченным из трусов удом –

3 Марка женевера.

прошли теперь навсегда. Однако я должен поблагодарить тебя за то, что ты сделал для меня при помощи твоей тайной силы, о которой, правда, не многие знают, благодаря которой ты смог запустить меня, как искусственный спутник Земли, в наш Национальный Художественный Небосвод; до первых газетных страниц разнообразных ежедневников и еже-
14 недельников. Если Бог существует, ты определенно жил с ним; если существует Смерть (а это уж наверняка), ты исследовал ее до нечеловеческих глубин; не было такого Осла, которым ты не смог бы обладать, которого ты не смог бы объездить».

Это грустное письмо, и после него между Реве и Булли уже ничего не наладилось.

Теодор Холман[4]

4 См. прим. 1.

ИСКУССТВО

Четырнадцать офортов Франса Лодевейка Паннекука: разъяснение для рабочих

6 февраля сего года от рождества Сына Божия, 17
после полудня, заглянув ко мне, чтобы занести шесть перьев от своего забитого гуся, Булли ван дер К. из соседнего П[1]. застал меня в кухне, где я, извлекши из местной рекламной газеты только что купленную селедку и склонившись над кухонным столом, в глухой ярости читал пропитанную жиром «бедняцкой семги» рубрику «разное», которая извещала нас о том, что число «три» нередко рассматривается как священное; что древние египтяне знали лакрицу еще до того, как начали пользоваться ножом и вилкой или расчесывать волосы; что вся обувь, которую человечество изнашивает за год, будучи выстроена в цепь, при хорошей погоде может в 6½ раз покрыть расстояние до Луны; и что среднестатистический голландец потребляет чуть больше двух литров вина в год.

– Как тебе нравится, Бул: целых два литра в год.

– И куда, спрашивается, оно уходит?

---

1 Деревня Pingjum (Пиньюм) во Фрисландии.

Мы прошли в гостиную и, усевшись, стали смотреть вдаль, на видневшуюся за кладбищем пустошь. Уже несколько дней подряд мне являлись различные замечательные мысли о Боге и Смерти, но всё, что я мог из них выжать – это половину или ¾ фразы; само по себе неплохо, но не пригодно для создания «песни вечной». Существование – это распад.

18 Я осмотрел гусиные перья, очинил опасной бритвой одно из них и проверил его в качестве самописки. Перо писало четко и ровно.

– Возможно, создание скромного запаса перьев было бы в высшей степени целесообразно, Бул. Как знать.

Имевшееся в моем распоряжении количество вставочек недавно возросло с 1296 до 9648 штук, благодаря подарку супруги директора Х.-ской школы провинции Л., так что я, ежедневно сменяя перо, смог бы писать еще примерно 32¾ года, а используя две ручки в неделю – целых 92¾, но мне нужно было принимать в расчет такие вещи, как, например, ржавление или усталость металла, которые постепенно свели бы в могилу весь легион моих остроконечных соратников. Как знать, может быть, к тому времени уже нигде не останется перьевых ручек, а если разразится катастрофа и все гуси перемрут от, скажем, птичьей чумы или попугайной болезни, останусь я что рак на мели.

– Сколько перьев мне припасти, Бул?

Тысячу штук он нашел вполне достаточным.

– Учти только, что перо ты можешь затачивать не более шести раз.

Я увеличил рекомендованное количество до 1200 штук, сделал для себя пометку и откупорил первую бутылку вина.

– Умеренное потребление благоприятно во всех отношениях, – сонливо проговорил Бул. – Даст Бог, завтра не будет опять башка раскалываться.

– Это от тебя зависит, – с упреком заметил я. – От вина никогда вреда не бывает. Я об этом даже писал.

– Ну-ка, ну-ка, интересно.

В папке с ненужными бумагами я отыскал листок, на котором, между пометками *«Бесплатные очки для слепых и украшенные искусственными перьями головные уборы»*, *«Опасаться сентиментальности, записывать только Правдивое, чтобы сделать из этого хороший стих»,* и *«Не зевай давай / свой член развивай»* под заголовком ПОСЛЕ МОЕЙ ПЯТОЙ БЕЛОЙ ГОРЯЧКИ, ИЛИ IN VINO VERITAS были запечатлены несколько дионисийских строф, которые я прочитал Булу: *Я отрекаюсь от всего, кроме Крови Твоей. / Отрину ли я Кровь Господню? / Отвергну ли я, во злобе, Лучезарной Девы сосок? / Я люблю Тебя слишком, о Вечный, чтобы когда-либо не принять Крови Твоей.* Я опустился на колени и подъятым стаканом начертил в воздухе крест: «В память Твою».

Мы пили с лицемерной непривычностью вышколенных выпивох.

– Моя работа под завязку набита чувствами, – пояснял я. – Глубоких переживаний исполнена, что называется, – так сразу слова и не подберешь. Вот почему мои тексты столь часто бывают истолкованы превратно.

– Творческий художник, – согласился Бул. – А ты знаешь, что Х. давеча мне жаловался, что ты постоянно пишешь о прошлом?

– И что ты ответил, Бул?

– Я сказал: а о чем ему еще писать – о будущем?

Вот так: люди вечно хотят чего-то другого. Только-только выйдет твоя книга, и тут же они с вопросом, когда появится что-нибудь новенькое, у них нет сил дождаться следующей книги (и еще меньше будет желания ее купить). И что бы ты ни писал – книгу, картину – всё равно без толку: либо сам себя, что называется, перепеваешь, либо к обоям по цвету не подходит.

– Ну что делать, если я не занимаюсь прикладным искусством? – рассвирепел Булли. – Я не пишу людей с грибом для штопки вместо головы или с трехпалыми руками.

Что меня всегда удивляло в искусстве, на которое намекал Булли, это действительно в высшей степени невероятный характер самых обычных предметов: панцирная рыба, разрезанная картонным реквизиторским ножом на раздутой от слоновой болезни женской руке; столовые тарелки в форме пепельниц; непременная – и всегда съеженная до разме-

ра укулеле – гитара на стуле; винная бутылка, замаскированная под чернильницу или выкопанную из земли урну; и, разумеется, могильный холм из пемзы, изображающий хлеб, какого не сыщешь ни в одной булочной.

– Безглазый ребенок с собачкой на руках, которая, может быть, вообще кошка, – глухо пробормотал Бул.

Мне вдруг вновь припомнились самодельные открытки, которые иногда присылает художественный народец, – на них, разумеется, ни за что не будет написано «Счастливого Рождества», но будет изображен тот или иной предмет, который может оказаться рыбой или оленем, пока ты, – как остроумно заметил по этому поводу гуру Петер Б.[2], – «не разглядишь, что это задница».

– Апофеоз материального в новую эпоху, – высказался я. – В наши дни то и дело на это натыкаешься.

Я поведал ему о том, как всего пару недель назад ко мне явился невероятно волосатый, невзирая на опушенную плешь, молодежный работник или же руководитель культпросвета, который, подвыпив, ни с того ни с сего пустился читать бесконечную самодельную поэму, начало которой звучало примерно так: *Лакричные конфеты / жареный картофель / селедка копченая / селедка маринованная / мясные тефтели / копченый угорь / мясо / можжеве-*

2 Peter Brinkman, приятель Реве.

ловка, а заканчивалась следующим: *Кошки / Собаки / Взморье / Вересковая пустошь / Лес.*

– И что он хотел? – спросил Бул.

– Да мы с ним чуть не поцапались, – сообщил я. – Не было жизненных условий для спонтанного выражения направленных на внешнее окружение игровых элементов, так мне думается. – Я попытался изобразить встревоженный голос поэта: «Герард, ну совершенно никакого пространства для такого вот творчества, потому что этого нельзя, нигде нельзя!»

– Да ладно, – сказал Бул. – Искусство – это уже достаточно ужасно.

Открывая вторую бутылку, я внезапно припомнил визит одной артистической бабы, явившейся ко мне с каким-то актером или фотографом; она писала на картоне, «продается великолепно, но мне это до лампочки», – помню, косясь из кухонного окна на дом и двор наших соседей, она спросила: «А там тоже гомики живут?»

«Тебе бы горящую кукольную коляску в пизду вкатить», – подумал я тогда, но бог знает по каким причинам смалодушничал и промолчал.

– Представь себе, – вдруг начал Булли. – Всего пару месяцев назад, Господи помилуй, ты бы разве, черт возьми, их всех бошками не столкнул? *Я* же ничего не просил, *я* ни о чем таком вообще не заикался? – Его добродушное рыло стало чуть темнее цветом, а правый глаз наполовину прикрылся.

– А в чем дело, Бул?

– А, да ты их не знаешь. Денег куры не клюют. Она – наследница ***-фабрик – всей хренотени или половины, какая разница: сам знаешь, такие типы никогда не в курсе, сколько у них чего.

У них, рассказывал Бул, имеется загородный дом на Корсике. Или на Сардинии, или на Сицилии, или еще где-то там, вилла за пару тысяч гульденов в Гои[3]; к тому же полгода – год назад они купили в Ахтерхуке[4] замок XIV века, со стенами толщиной в 60 см, и уже с год реставрируют его и обустраивают.

«К Рождеству, когда покончим с работами, я у тебя картиночку куплю», – сказала она ему. Ну и поехал Булли к означенному времени в своей коробчонке на эту виллу в Гои, уложив в багажник несколько масляных полотен, но до сделки дело не дошло. Три сотни гульденов за холст ей показалось чересчур, и она поинтересовалась, «нельзя ли по дружбе сбавить цену».

Ярость Була стала понемногу передаваться и мне.

– Миллионерша, парень, или почти что, – продолжал он. – У самой эти *** – Булли опять упомянул название крупной Северонидерландской индустрии – а ей хоть бы хны. Совершенно.

– И что ты сказал, Бул?

---

3 Het Gooi – область на юго-востоке провинции Северная Голландия, район богатых вилл.

4 Achterhoek, регион в нидерландской провинции Гелдерланд близ немецкой границы.

– А я помню? Да, кажется, сказал, что я этим на жизнь зарабатываю. Но какая разница, что сказал, что не сказал. Стоишь как обосранный, и всё. О да, замок с толстыми стенами был еще не готов, так что при ближайшем рассмотрении ей покамест было не до картинок. Ты что-нибудь понимаешь?

Нет, я знал, как обстояли дела, но понять этого не мог.

Позже Булу стало известно, что г-жа *** направо и налево изъявляла мнение, что замечание Булли о том, что он живет с продажи своих картин, показалось ей «исключительной пошлостью».

Во время своего рассказа Булли встал, но теперь вновь расслабился и сел на место.

– Ах, этот ее сын, с которым я учился в лицее, был в сущности преславный малый. И они всегда очень тепло ко мне относились. Ну что тут поделаешь?

Нет, ничего тут поделать было нельзя.

– А сколько тебе тогда было? Я имею в виду, когда ты с ее сыном в школу ходил? Жаль, что я тогда тебя не знал.

Обычно, когда я хотел расспросить Булли о прошлом или мечтательно послушать рассказы, еще более исполненные восхитительной грусти, чем мои, он по большей части увиливал от моих вопросов или давал мне поверхностный, скрывающий слишком горькие подробности ответ, но в этот раз он поведал мне кое-что.

– Школа эта была, естественно, никакая, ты понимаешь. – Картина была мне знакома. – Сплошное свинство, изгадить всё что можно, сам знаешь. Вроде бы мне там устроили проверку, ну, что-то типа того. И что оказалось? Что я дико интересуюсь природой, растениями и тому подобным, всем, что живет и растет. Вот так вот.

На основании результатов этой экспертизы Була перевели в вечернюю школу садоводства в Боскопе[5], где он столовался у розовода и спал в каморке под крышей, обклеенной реформаторскими обоями и с непременным умывальным кувшином на расписанном под мрамор столике. Во время бодрствования каждые полтора часа вслух читали Библию. Бул должен был с 7 утра 6 часов обрезать розы, после чего, пообедав, отправлялся в вечернюю школу. Получал он в неделю полтора гульдена или что-то около того. «Шуточки быстро кончились, Растяпа, ты понимаешь». Он мог бы в виде альтернативы поступить в художественную академию в Роттердаме, но его отец, который к тому времени получил в этом городе место, счел это малоприемлемым. «Он не хотел держать меня слишком близко к дому. Ну да, поспоришь с ним».

У садовода Бул продержался месяцев восемь. А потом просто не вернулся из Гааги, где был на вечеринке у приятеля. «Садовод,

5 Boskoop – город и провинция в Южной Голландии.

разумеется, тут же позвонил отцу узнать, где я ошиваюсь. Ну где, где, в Гааге, разумеется, только об этом никто не знал. Охохо».

Пересидев денек-другой у дружка в Гааге, он мог бы еще пару недель скрываться у другого дружка в Роттердаме, в нескольких шагах от отцовского дома, но тут его отыскали.

Пока я слушал, уставившись в землю, мною
26 стало овладевать невероятно сильное ощущение одиночества. «Я тогда поступил в автошколу в Утрехте. Сначала всё шло гладко, недели две, но потом я по большей части целыми днями сидел в парке. И я покупал всё на имя отца – книги, авторучки, всякое такое – а потом перепродавал по дешевке моим проворным одноклассничкам: таким образом деньгу зашибал. Отец однажды пожаловался, что «его сын учится в дорогой школе». Да, ему это влетело в копеечку: несколько тысяч, должно быть».

После этого у Була на полном серьезе началась скитальческая жизнь: время от времени самодеятельная торговля автомобилями; работал водителем, «забиравшим» чужие машины или переправлявшим значительные партии товаров из-за границы; жил среди скупщиков краденого, психов в отпуске, взломщиков на пенсии или предпенсионеров, запойных гениев и сутенеров.

«Подонки общества, типчики, прикинь».

Вот как. Я опять сдуру ему позавидовал. Чувствуя, как вздымается от нежности мой

Жезл, я представил Булли затравленным, окоченевшим, голодным и гораздо более молодым, чем сейчас, с взлохмаченными ветром волосами, падающими на его злое юношеское лицо, сидящим за рулем ревущего грузовика, в распахнутой кожаной куртке и распоротых над коленом джинсах, и вообразил, как, припав к его груди, согревал бы его своим телом, а он, устремив взгляд на дорогу, улыбался добродушно, но чуть насмешливо. И теперь я задумался – сначала в смутной мечтательности, но затем с возрастающей злостью – о собственной потерянной юности, которая никогда не протекала «среди подонков общества» и в которой я никогда не скитался, потому что для этого был чересчур бздуном. В этих годах, вместе взятых, печального было больше чем достаточно, но никогда моя жизнь не выходила за рамки честной бедности.

Я потянулся за новой бутылкой и передал ее Булли вместе со штопором.

«Масло для китайских фонариков»[6]. Засевшая намертво пробка сломалась. Булли протолкнул ее авторучкой в горлышко бутылки, и в глаз ему брызнул мощный фонтан.

– Ч-черт!

– Прейскурант моего виноторговца я читаю как роман, представляешь?

– Уныние способствует алкоголизму, – поведал Бул, разливая, – а алкоголизм – унынию.

6 Намек на книгу американской писательницы Алисы Тисдейл Хобарт (1882–1967).

Возможно, брызнувший в глаз фонтан послужил лишь толчком, но я почувствовал, что уже нахлынувшая на меня тоска грозит увлечь за собой и Булли.

«…приподнятость, бодрость, веселье и ощущение братства, которые в любой момент могут перейти в яростную схватку», внезапно припомнилось мне из незабываемой прозы
 доктора Де Хана и профессора Хандовски[7]. Надо попытаться взбодрить нашего Була.

– Я никогда не бродяжничал, не ходил на судах и не водил грузовиков по бесконечным дорогам чужих земель и народов, – начал я. – А мне надо было бы держаться подальше от дома, я теперь понемногу это начал понимать.

– Я бы не стал это принимать близко к сердцу, – глухо проговорил Бул.

– Да нет, конечно, – согласился я. – Дома тоже ведь есть чем заняться. Поэт всегда путешествует в стране своих грез.

– Это точно, – сказал Бул. – Годы художника, в сущности, это индийские годы[8].

Долгое время царило молчание.

– Но вообще, если вдуматься, – снова начал я, – ты не знаю сколько всякого испытал. Я – нет. Чего ты только не повидал! У тебя опыт. У меня – никакого. Тебя жизнь облагородила, как бы это выразиться, а я ничего не знаю. И всё же оба мы – большие художники, – каж-

---

7 «Фармакотерапия», 1952 (авторы: Dr Henri Rudolf Marie de Haan, prof. Dr Hans Handovsky).

8 От поговорки «индийский год за два идет».

дый на свой незатейливый манер. Чего только не бывает.

– Ничего я не хочу, – включился Бул, рассеянно разливая по стаканам. – Я просто хочу заниматься тем, к чему у меня душа лежит. Изо всех сил работать. – Он поднялся с места. – А больше мне ничего не надо. – Точно иллюстрируя непреходящую бдительность, он пристально вглядывался в картинку у двери и аллейку, ведущую к дороге, и пустился развивать свои обычные соображения о человеческом сосуществовании. Привычка вмешиваться в чужие дела была хуже всего.

– Творец, ага, – начал он совершенно угрюмым тоном. – Единственное, чего я, черт побери, хочу, это чтобы хоть на денек меня оставили в покое и дали поработать. Чтоб им всем повылазило, всем этим… Сплетники, кляузники, подонки, шпионы. С велосипеда слезают, прикинь, посмотреть, что там за неслыханная жуть у меня творится.

Он постоянно держал на замке входную дверь, на которой висела записка, предупреждавшая, что нет никакого смысла ломиться в заднюю дверь, если вам не открыли переднюю, и всё же они лезли в его рабочий уголок под какими-нибудь хреноблядскими предлогами и порой по нескольку раз на дню. Он уже подумывал обнести свой двор оградой или стеной, но это было ему не по карману; ивы или клены, которые он с трудом посадил, не прижились и уже несколько месяцев

торчали перед окном, засохшие и ободранные.

– Ну да, всё портится или умирает, или разваливается на куски. Да, старина, давай плесни еще.

Жизнь наша была борьбой. Полуденный свет, лившийся из большого слухового окна, которое соорудил над буфетом гуру Питер Б., начал заметно тускнеть, и уже слышалось посвистывание медленно поднимающегося вечернего ветерка, поющего о бессмысленной, растраченной жизни, в которой ничего не происходило.

Булли продолжал свой рассказ. Он вызвал в памяти поистине яркую процессию скоморохов, – от некоего сорта полудурков, считавших вполне нормальным «зайти посмотреть, что там такое», до каких-нибудь рыбарей, которые в отсутствие Булли на полном серьезе полагали, что «за рыбешку» действительно могут обладать Памфилией[9]. «Рыбка требует жертв».

– И всё же это можно объяснить, – высказал я свое мнение. – Ты – художник. Искусство – Монмартр! С хлеба на воду, разве не так? Беззаботный артистический народец. Свободные воззрения, короче: *«l'amour!»*. Слово говорит само за себя.

И это было именно так, потому что давным-давно, когда я еще жил на чердаке Гале-

9 Pamphylia (Helmie Slaaf) – жена Паннекука.

реи 14[10], некий таможенник, взобравшись по лестнице, огляделся и возопил: «La Bohème!»

Хотел бы я знать, как много добропорядочных людей – которые не мололи языком, не сплетничали, не слезали с велосипеда, чтобы потаращиться или вломиться в дом – проживали в П. Такие были, признался Булли. Он уселся и принялся загибать пальцы. Сначала он насчитал семерых, но потом количество уменьшилось до пяти.

– А почтмейстер среди них есть?

– Ну разумеется, есть. Он у меня под номером «один». – В его ответе сквозило легкое раздражение, но сразу после этого его тон заметно смягчился, и в глазах появилось выражение благочестивого волнения, когда он в сотый раз завел речь о дядюшке Посе, первейшем из порядочных людей в П., который заслужил благоволение в глазах Господа тем, что открыл Булли кредит в своей канцелярии и даже ссудил ему денег.

– Ты когда-нибудь слыхал о почтовой конторе, в которой можно было бы покупать в долг? Слыхал ли кто-нибудь когда-либо в Западной Европе о таком: почтовые марки в долг?

– Никогда не слыхал, Бул.

– Бог есть, и Он выше нашего понимания, – начал я объяснять Булли после некоторого молчания. – Это знак, так можешь сие рассматривать. Под мою ответственность. Возможно, час

10 Дом на Фредериксплейн в Амстердаме, где жили после женитьбы Реве и Ханни Михаэлис.

уже близок. – Я со вздохом откупорил четвертую бутылку. Во мне всколыхнулась невероятно тяжкая волна бесстыдной сентиментальности. Я молча глянул в окно. Если кто-либо в своем неведении желал высмеять то, что я только что сказал, меня бы это не огорчило, ибо то, что я видел, было правдой, безмолвной и лучезарной: добродетельный почтмейстер со своим рожком[11] был, сам того не зная, ангелом Благой вести, предсказавшим грядущее Завершение Всего Судным днем; а также – это открылось мне в дополнительном видении – Ангелом с трубой на четырех концах земли, призывающим всех к Страшному суду, станет непередаваемой красоты почтмейстер, стройный, русоволосый, не старше 17½ лет – «Се, творю всё новое»[12] – с громадным Членом, который так же, как и головокружительные холмы его Тайной Юношеской долины, будет весьма отчетливо обрисовываться в его форменных брюках; вооруженный могучими, лиловыми – разумеется! – бархатными Крыльями, одним из которых он будет прижимать к бесконечно нежному бедру свою фуражку, дабы не утерять ее в ревущую бурю, порожденную его трубой, так что длинные, почти девичьи волосы будут падать ему на лицо, – и один взгляд на это исцелит самую глубокую сердечную рану.

11 Международный символ почты.

12 Откр., 21:5.

– Неотъемлемый переключатель в общении людей и народов, – объяснил я Булу. – Если задумаешься, что примерно этот мужик по домам разносит: те же известия о радости и печали.

– Я помню, как мы познакомились, – сказал Бул. – Мы тогда только-только поселились на ***дейк. Мы и жили, и жрали, и спали в кухне, у нас ведь не было ничего: только пара ящиков, на которых мы сидели, и плита. На плите стояла кастрюля с кислой капустой. Вот он является, – с телеграммой, кажется, – подходит к кастрюле, снимает крышку, видит, что в капусте лежит колбаса, и спрашивает, не юноксовская[13] ли это; если да, то он бы очень хотел получить ярлычок, потому что его жена их копит на набор коктейльных палочек.

– Мы истолковываем потаеннейшие желания и мечты человечества, – изрек я.

– Принес бы я ему этот четвертной на следующее утро, и контора, глядишь, не сгорела бы, – кротко сказал Булли. Я знал, что сейчас начнется: несчастье, имевшее прямое отношение к добродетельному почтмейстеру, которое около четырех лет назад стряслось с Булли.

– Я как раз загнал пару офортов и огреб сотнягу, а может и поболе того, – начал он, снова прибегая к своей блатной, суеверной системе счисления: *хрусты, червонцы, четвертаки, стольники* и *тонны*, они же *красненькие*. – Ну и вот тебе на. – Как-то раз, набив до отказа

13 Колбаса фирмы Unox.

печку в доме на старой ферме, где тогда жил, и хорошенько поворошив в ней, он отправился к почтмейстеру «вернуть четвертак», прихватив с собой кувшин можжевеловой. – Вечер Святого Николая[14] это был, приятель. Вечер Святого Николая 1962.

Ему, разумеется, пришлось «зайти на чуть-чуть» к почтмейстеру, дабы совместно до самого донышка исследовать подлинность можжевеловки, и на обратном пути его автомобиль увяз: на сей раз не в канаве, а на обрыве («влип брюхом в берег, итить, – я подумал, – ну и подыхай тут, а я пошел»), так что, добравшись домой на своих двоих, он поспел как раз к тому времени, когда все здание стояло в огне, но чуть опоздал, чтобы успеть спасти представлявшую «жуткое зрелище» крышу, обвалившуюся в «диком фонтане искр».

– Огонь очищает всё, – сказал Бул. В газетах сообщалось об «убытках в сотни тысяч гульденов, причиненных хранившимся на заднем дворе сельскохозяйственным машинам», и о том, что «дом, в котором располагалась мастерская художника Ф. Паннекука», также сделался «добычей пламени», – но не было ни единого упоминания о том, *что* хранилось в этой мастерской.

Бо́льшая часть одной картины плюс 22 оттиска, оставленные в папке у входной две-

14 Sinterklaas: Николай Чудотворец, Синтерклас, день которого отмечается в Бенилюксе 5 декабря.

ри (с тем, чтобы их кому-то отдать), уцелели; от остальных – 245 холстов, 300 рисунков и акварелей и почти 200 гравюр вместе с цинковыми пластинами – не осталось ничего.

– Красный петух, итить, – решительно сказал Бул. – А знаешь ли ты, что мне тогда было абсолютно наплевать на всё это? – Он задумался. – Фараоны в этом сомневались. – Он изобразил чей-то сиплый голос: «У нас сложилось впечатление, что вы были в нетрезвом состоянии». – Он зашелся неудержимым хохотом. – Да, потом, сильно позже, вот тогда мне стало до смерти жалко, что всё пропало.

– А ты посмотри на это шире, – начал я. – Ну, скажем, в космическом масштабе: Рембрандт обанкротился, Ван Гог ухо себе отхватил, а у тебя, словно веха твоей жизни – пожар, в котором погибло столько прекрасного; кто станет это отрицать. И посмотри, к примеру, на меня: случался у меня когда-нибудь пожар? Разорялся я? Ухо себе отрезал? И речи быть не может! Могу я припомнить непоправимую потерю или безутешное горе? Задать вопрос – значит ответить на него.

– Ты вот напишешь книгу, и ее сорок–пятьдесят тысяч людей прочтут, – с горечью сказал Бул.

– Это точно, – подтвердил я. – Послевоенную нидерландскую литературу без меня больше представить невозможно. Я это сам где-то читал, в книге: не дурак, знаю, о чем говорю.

– Ну смотри, *я*-то вот напишу одну картину, – пожаловался Бул. – И она у меня в углу пылится. А если я ее продам, никто уже ее больше не увидит.

– Мои читатели, особенно юноши, меня на руках носят, – объявил я вдобавок. – Вспомнить хотя бы этих литературных гребцов.

– Спорт не имеет ничего общего с политикой, – заявил Бул, но я не дал увести себя в сторону и поведал ему – с расстановкой, основательно и исчерпывающе – историю о двух молодых людях, которые нанесли мне визит прошлым летом; они вышли на лодке в озеро, и тот, что правил, вслух читал тому, что сидел на веслах, мою самую дерзкую сексюшку.

– Вот это я и имею в виду, – упрямо сказал Бул. – С картиной такое не пройдет.

– Не говори так, – осторожно заметил я и быстро пораскинул умом. – Тот, кто сидит спокойно, то есть не гребет, он же может твою картину держать перед глазами того, кто на веслах, чтобы тот мог ею любоваться?

Бул задумался и медленно кивнул; лицо его явственно просветлело. «Возможно ли такое?»

Однако носили меня на руках или нет, *я* продолжал жить жизнью, в которой ничего не происходило. Никто никогда не стрелял в меня из пистолета, меня никогда ниоткуда не изгоняли, власти не заставляли меня спасаться бегством, и периоды – сенситивистский, индивидуалистский, социалистский или виталистский – вряд ли имели место в моей твор-

ческой карьере, в то время как у Булли, например, был его Синий Период, когда он писал глубоким ультрамарином огромные, больше человеческого роста, монохромные полотна; потом, снова начав использовать эти холсты, теперь уже для реалистичной работы, примерно треть поверхности он мог оставлять нетронутой, если для пейзажа требовалось безоблачное небо, как в случае «Фризского летнего ландшафта», счастливым обладателем коего я мог себя назвать. Мне внезапно вспомнилось, как однажды у нас дома Булли собрался было покрыть лаком эту картину, уже вставленную в раму, но обнаружил, что забыл кисть, и воспользовался куском старой белой простыни, которая в его руках быстро расцвела красками, особенно синей, так что я обеспокоился, не стер ли он ее с холста, на что он ответил: «Ну есть чуток, парень. Слышь, это ничего: всё равно искусство – чушь собачья».

Ничего не оставалось, не задерживалось в памяти, кроме, может быть, Любви.

– Скажи, Бул: тот милый мальчик, с которым ты вместе учился, сын той дамы из замка, он по-прежнему красивый, сладострастный мальчик? Или он растолстел и подурнел?

Булли глубоко вздохнул и тихонько покачал головой.

– Забулдыгой-то он не был, нет, слишком молод для этого. Но в тот день он неслабо заложил в кафе; у отца перед обедом уже на ногах не держался; а после обеда, у матери – они

с его отцом уже годы жили порознь, тоже ничего хорошего – там еще поддал. Залился под завязку и сел за руль. Ну, разумеется, педаль в пол. Думал, что по правой полосе едет, а ехал по левой. Заложил вираж влево, чтобы уклониться от встречного, и прямо в дерево. Костей не собрали, собрат мой. Милый мальчик, просто милейший мальчик. Но умер, лет уже

этак пять назад, я думаю.

Долгое время мы сидели неподвижно, не разговаривая. Домоседы опять ошиблись, и можно было возблагодарить Господа за презабавнейший день. Великая лампа дня угасла, и ландшафт являл собой разительное сходство с картиной Булли «Одинокий динозавр по дороге в город Харлинген Смит покупает всё»[15]. Посвист ветра, постепенно набиравшего силу, превратился в гул, который по-прежнему, но отчетливей, чем раньше, пел о потерянной жизни, в которой толком ничего не случалось. Да, однажды я видел, как мчавшаяся со всех ног малышка с только что купленным букетом розовых тюльпанов поскользнулась и упала, так что одиннадцать из двенадцати цветков сломались, и она, разревевшись от горя и отчаянно сжимая в руках почти обезглавленный букет, вновь припустилась проворной рысцой; и я видел на дороге крысу с отдавленным машиной задом; приподнявшись, она передними лапами совершала движения,

15 Харлинген – город во Фрисландии. «Смит покупает всё» – лозунг строительной фирмы.

словно мыла себе мордочку; и довольно часто я думал о Солдате, которого совсем не знал, но у которого было денег ровно на одну почтовую марку, чтобы отправить письмо матери, и он зашел в казарменную столовую, но у них марок не оказалось, и вот он, не имея решимости уйти, ничего не заказав, на последние деньги купил себе пирожок и тут же уронил его на пол, где его немедленно запачкали и растоптали в крошево чьи-то сапоги: печальные случаи, да, и всё же к жизненным вехам их не причислишь. А сколько времени еще оставалось? Бог знает, но в любом случае меньше, чем было. «Осенью бессмысленной, жалкой жизни», тихонько пробормотал я и покачал головой. Очень возможно, размышлял я, что-то всё же может измениться к лучшему, поскольку из предсказаний сестричек М. из Г.[16], которые только что составили гороскоп Булли, всегда явствовало, что «он мог рассчитывать на некую известность». Мы устроим ему большую выставку у нас дома, предварив ее Св. Мессой, которой будет из буфета руководить Отец Х., а Тигра и Лондонский друг П.[17] будут исполнять музыку Виваль Ди, Виваль Да,

16 Йозин (Josine, 1896–1991), адресат его «Писем к Йозин М»., и Ленни Мейер (Lennie Meyer).

17 Тигра – Виллем Бруно ван Албада, любовник Реве. Лондонский друг П. – Дэниел Пикеринг (Перкин) Уокер (1914–1985) – английский историк, автор работ по оккультизму в европейской истории.

как прозвала его поэтесса Х. М.[18], или другой какой старой колоды для натягивания париков. Ах, если бы Господу было угодно явиться миру и сделать Була почти таким же знаменитым, как я.

Гостиная погружалась в сумерки, но я всё еще не зажигал огня. Существуют вещи, которые нельзя рассказать другому и о которых
40 нельзя спрашивать, как бы ты его ни любил. Мне хотелось, чтобы мы – сперва нерешительным, но постепенно набирающим силу голосом запели песнь, в которой будут помянуты все когда-либо жившие на земле, песнь, чествующую всё, что дышало; и были бы они столь многочисленны, что никогда не смогли бы их вместить краска, холст, чернила и бумага, но имена их записаны в Книге, открыть которую однажды будет дозволено лишь Агнцу, и только Агнцу одному.

(*Греонтерп, 19 мая 1967*)

---

18 Ханни Михаэлис (1922–2007) – нидерландская поэтесса, с 1948 по 1959 гг. – жена Реве.

ПИСЬМА ФРАНСУ П.

Предисловие

Хотя Франс П. в течение тех лет, что я общался с ним, иногда предавался искусству офорта, почти всё его время уходило на иные страсти: к лошадям, к автомобилям и к игорным домам.

Он держал лошадей и пытался торговать ими, но мне не помнится, чтобы он когда-либо продал этакого скакуна хотя бы со скромным барышом.

Он посещал школу автомонтеров и был очень толковым в деле постановки на колеса автомобильных остовов, в большом количестве припаркованных под открытым небом вокруг его дома в Пиньюме[1]. Автомобили эти, думается мне, представляли для него бóльшую страсть, нежели даже лошади, но ни средством к существованию, ни финансовой поддержкой для его искусства они не были. Никто эти автомобили не покупал, бегали они или нет, отчасти потому, что соответствующие документы редко наличествовали полностью, а то и попросту совершенно отсутствовали.

---

1 Pingjum – деревушка в юго-восточной Фрисландии.

Его офорты находили заслуженную оценку у публики, но деньги, вырученные им в короткие периоды артистического самозабвения, снова моментально тратились на красивых лошадей или автомобили, дожившие до такой глубокой старости, что их можно было отнести к разряду древностей.

В те редкие случаи, когда «от денег что-то

оставалось», мне дозволялось сопровождать Франса в одной из его оснащенных мотором коробчонок – которые на всякий случай всегда стояли припаркованными на спуске – в нелегальные игорные притоны: в Бюдел[2], Вехел[3] или даже южнее, в земли бельгийские. Там он мог принимать позу завзятого игрока, приковывать к себе внимание всего зала, однако, везло ему или нет, везло в любом случае не в игре. Я же взирал почтительно, но, прежде всего, с опаской, а уж сам играть я, осмотрительный обыватель, и вовсе никогда не решался. Однако я пытался внушать себе, что происходящее меня захватывает, и даже твердо решил когда-нибудь всё-таки «списать деньги», чего, впрочем, так никогда и не сделал.

Это был не мой мир, такой вывод мне пришлось со временем сделать, всякий раз основательно убеждаясь, что моя мать никогда бы не одобрила моих частых посещений подобного легкомысленного общества – прежде всего,

2 Budel – деревня в муниципалитете Кранендонк в нидерландской провинции Северный Брабант.

3 Veghel – городок в провинции Северный Брабант.

общества сомнительных женщин со слишком низкими декольте и в чересчур коротких миниюбках. По пути назад из одного такого притона, проигравшись в прах, но ничуть не павши из-за этого духом, а, скорее, просветлившись, Франс, будучи за рулем, разразился длинной речью о том, что люди и общество вообще все сдвинутые, но это я знал задолго до знакомства с Франсом.

Со временем я стал остерегаться подобного образа жизни, ибо много ли энергии и времени тогда остается на творчество? Сделать искусство прибыльным и, по крайней мере, попытаться творчеством обеспечить себе средства к существованию – вот была моя мечта, возможно, единственная, которую я сумел претворить в жизнь. Кроме того, я быстро уставал, и мне хотелось по возможности вовремя ложиться. И если это удавалось, я верил в некую программу, дисциплину, в порядок в делах, я бы так сказал. Итак, по мере того, как я становился старше, дружба наша постепенно сходила на нет.

Однако и смеялся я немало. Например, в одно прекрасное воскресенье Франс явился верхом из Пиньюма в Греонтерп, чтобы забрать на ремонт мой заглохший автомобиль. Его лошадь поволокла мой автомобиль в Пиньюм, что обеспечило пищу для разговоров по меньшей мере одному поколению жителей деревни. Событие это, как я осознал позже, оказалось в некотором роде символичным: жизнь

Франса была и всегда будет сломанным автомобилем, влекомым верховой лошадью в гиблый игорный притон. (Кроме того, это была, разумеется, также и пророческая картина, принимая во внимание неутомимо ползущие вверх цены на топливо.)

Славные это были времена.

Август 1984, Г. Р.

Тигр, Памфилия, Паннекук и Реве в Греонтерпе. Фото Хенка ван Эссена

1965

48 *Основной адрес: Греонтерп, Пост Оудега Веймбритсерадел, 10 ноября 1965*
Куда: В С., близ Эйндховена, в бунгало ст. 100.000 гульд., владелец – некто, зовущийся предположительно Де В., но это, вне всяких сомнений, подлежит уточнению.

Дорогой Булли,

Разумеется, опять выжрано немеряно – вчера; сегодня пока что нет. Утром уже в 8 я был на ногах, а сейчас около половины десятого. Вчера отлично читал[4], сплошное искусство, потом плодотворный обмен мнениями о Боге, и все от меня просто в восхищении. Имеют место двести гульденов, что тоже недурно. Потом отправился на ночлег туда, откуда сейчас пишу это письмо, а в полдень мне нужно с ним – с моим хозяином, я имею в виду,

4 9 ноября 1965 Герард Реве выступал в ресторане «Лебедь» в Соне (Son) – деревне в нидерландском муниципалитете Сон-и-Брейгел на западном краю речушки Доммел для сонского отделения Объединения общественного благосостояния.

и еще с тем самым гомофилом, с которым заходил на прошлой неделе к Памфилии, – собраться насчет Булли, должен ли он продолжать работать, или в лагерь его сослать и т. д. Деньгами тут попахивает явственно, и их определенно можно отковырять, но вкуса, напротив, никакого, ибо картины – лучшие открытки Вилли Схермеле[5], по крайней мере те, что я видел. Не исключено, что в библиотеке у него полно совершенно прекрасных и изысканных полотен. Сам он – весьма непринужденный и приветливый, но именно это мне и не нравится. Мне больше по душе серьезные и угрюмые. Он не верит в Бога или как раз

5 Эти открытки, по мнению Реве, были весьма уместны во время и после войны: «Они были, что называется, лукавы и шаловливы, этакий гибрид Антона Пика, Фипа Вестендорпа и Опланда: изображали человека в виде жизнерадостного гномика».

Willy (Wilhelmina) Schermelé, (1904–1995) – актриса, иллюстратор, журналистка и писательница.

Anton Franciscus Pieck (1895–1987) – художник и график, весьма популярный благодаря своей ностальгической любви к сказочным персонажам, регулярно появлявшимся в календарях и на открытках.

Sophia Maria «Fiep» Westendorp (1916–2004) – иллюстратор, ставшая особенно популярной благодаря многолетнему сотрудничеству с известной детской писательницей Анни Шмидт (Annie M. G. Schmidt).

Opland – псевдоним политического карикатуриста Robert (Rob) Wout (1928–2001), сотрудничавшего с изданиями «Волкскрант» и «Де Грюне Амстердамер».

наоборот, я уж забыл, хотя об этом рассуждали до двух ночи, но в любом случае, по его мнению, Христианство потерпело крах, если я это правильно понял: вначале, то есть гораздо раньше, было всё гладко, а потом начались всякие нехорошие штуки. «Нечеловеческие», я полагаю, именно это словечко непрерывно витало в воздухе, ну да ладно. Плохо было, плохо есть и плохо будет, собрат мой по искусству – если бы только мужик захотел в это вдуматься, то все вовремя отправились бы на боковую. Представь, что и впрямь станет хорошо, собрат мой – даже думать об этом не хочется. О чем я стал бы тогда писать? Упаси Господь. Но так или иначе, Христианство – в этом было что-то очень нехорошее, по его словам, и потому ему ближе были такие фигуры, как Барт Де Лигт[6], Сневлит[7] и т. д. И чего, спрашивается, дергается, ведь и жирная зарплата, и дом – полная чаша. И всё недоволен, и всё кулаками машет. У меня дом намного дешевле, я куда меньше зарабатываю, но слыхал ли ты хоть раз, чтобы я жаловался или брюзжал по поводу законов, порядка или властей, установленных над нами Господом Богом?

50

6 Bartholomeus de Ligt (1883–1938) – анархист-пацифист и антимилитарист, в некотором роде христианский социалист, порвавший, однако, с церковью. Был широко известен своей поддержкой отказчиков совести.

7 Hendricus Josephus Franciscus Marie Sneevliet (1883–1942) – сначала социалист, затем коммунистически настроенный политик.

Важничают эти люди невероятно. «Не имеет смысла, если он получает деньги прямо от Филипса». Я склонен думать, что это всё же имело бы смысл, но они считают, что «психологически» это нехорошо. Ну да, я попытаюсь втолковать что-то этим людям[8]. У него, Де В., стало быть, имеется умирающая мать во фризском городе С., и он, значит, вскорости приедет на Север, и тогда мы, он и я, D.V.[9], если не возражаешь, навестим тебя. Для начала он притащит большую картонную коробку, набитую сыром, колбасами, консервами и Бухлом. Ах, это важное удовольствие для таких людей. Ты уж сначала прикинься хорошим, а ненависть свою изольешь потом на какой-нибудь старый фруктовый ящик или стиральную лохань, – но до того будешь вести себя непринужденно: этакий измученный художник, вроде того, пробивающийся, гордый, но всё же не брутальный, прямо как я, и никаких таких «сударь, вы бы скопили сперва на новую башку», вот от этого, стало быть, воздержись.

Сильный похотливый человеко-зверь. Будь моя воля, я бы с удовольствием где-нибудь в лесочке вместе с тобой потерзал красивого мальчишку, и заставил бы его поклоняться тебе, дабы он служил тебе в полнейшей покорности и Раболепстве. Прекрасный зверь: «на мото-

8 Результатом этих переговоров явилось то, что Паннекук получил заказ на картину «Фризский зимний пейзаж».

9 Deo Volente (*лат.*) – по воле Божьей.

роллере мчится дружок, седло здоровенное, твердый рожок». Тут так чисто, всё с иголочки, ни пылинки, и подрочить толком страшно. Был бы вполне уютный дом, если бы не этот паркетный пол и плюшевая мебель, и нечто вроде двухколесного фургончика для чая и напитков, и камин с дымоходом из мраморной крошки. Но если всё действительно получится
52 и из этого в самом деле потекут Деньги, то ты должен будешь разок поспать со мной в одной постели, если Памфилия разрешит. Я ничего такого делать не стану, только гладить тебя и ласкать, а потом, задыхаясь, дрочить, глядя на тебя, а больше ничего, прекрасный Мужемальчик. У меня не совсем в порядке с головой. Была бы у меня сестричка лет 15½ или 16 и т. д., чтобы тебе отдать. Я тебе рассказывал когда-нибудь о диалоге с пастырем из Б., как его, великим просветителем со времен Эразма, да я всё равно забыл, как его звать[10]? Ты знаешь, что я свои писания всегда сам распространяю среди трубочистов, горничных, счетчиков и т д., Бог знает почему: этакое слабо-

10 Вставленный позднее в переписку анекдот о священнике из Блаухауса напрямую связан с «Письмом, написанным в ночи», впервые опубликованным в «Тираде» в 1963 г. и включенным в «Ближе к тебе» (см. с. 257 русского изд.). Этот же анекдот был включен Реве в речь, опубликованную в «Архивах 1961–1980 (Дамы и Господа)» (по какому поводу была написана речь, неясно). И эта же история появляется в колонке Kronkel в «Пароле» от 3 февраля 1966 г.

умие, отчасти обусловленное тщеславием. Так вот, одна писулька моя, напечатанная, попадает в руки пастыря Как-Его-Там из Б., и при следующей встрече он мне говорит:

– Герард, я ничего не понимаю в литературе.

– Я тоже, преподобный отец.

– Да, но вот в этой твоей статье в газете (Они всегда именуют прозаический отрывок «статьей», ты обращал когда-нибудь внимание?), ты там пишешь о мальчике, которого, я бы сказал, ты находишь весьма привлекательным, и что ты хотел бы отдать ему свою 15–16-летнюю сестренку, с тем, чтобы этот мальчик, да, как ты это пишешь, своим… своим…

– Я знаю, что вы имеете в виду, преподобный отец.

– Но ведь это ужасно, Герард! Свою собственную сестру!

– Да, кошмар, действительно, преподобный отец.

– А чуть дальше я прочел, что Бог есть Любовь, и почему это так, и ты пишешь об этом так прекрасно, может быть, даже прекраснее, нежели у Иоанна в Евангелии, я прямо прослезился. Как это возможно, Герард, в одной и той же книге?..

– Учтите, что это всего лишь литература, преподобный отец. А мне в конце концов надо зарабатывать.

– Да, конечно, но эта сестренка?..

– У меня вовсе нет сестер, преподобный отец.

– Ах, вот оно что…

Ну, теперь отправляю письмо. Очень люблю вас. Самые теплые пожелания. Боготворю тебя и орошаю слезами и поцелуями твой конец и дивные Ягодицы.

Твой

 Герард.

Рон, 23 ноября 1965, – лаан

В субботу я снова дома, в Греонтерпе (Бог – единственная реальность).

Дорогой Булли,

Надеюсь, что ты не отчаялся. Я не сдаюсь. Я попытаюсь залучить Покровителя Q.[11] во Фрисландию между Рождеством и Новым годом, чтобы он что-нибудь купил у тебя. Весь его дом увешан вздором и мазней, а в саду,

11 Ludo Pieters (1921–2008) – «красный» (т. е. придерживавшийся социалистических взглядов) «портовый барон», владелец доков и один из значительнейших меценатов и любителей искусства в Роттердаме, друг и покровитель Герарда Реве. Жил в деревушке Рон (Rhoon) в окрестностях Роттердама, где Реве был нередким гостем. Реве зашифровал его инициалом Q, не желая, чтобы стало известно, от кого он время от времени получал деньги.

кроме того, стоит нечто вроде медной складной пизды, «Рождение» это называется, вроде бы, или «Созидание», если ты понимаешь, что я имею в виду, включая цоколь стоимостью 1350 гульденов, но по сути дела, по-моему, только не рассказывай прессе, это такая металлическая Какашка. Пока я еще дышу, я борюсь, ты знаешь, и так и надо. То, что я хочу показать твою работу человечеству, не имеет ничего общего с Иисусом Христом, это всего лишь весьма простое и незатейливое Право. Здорово поддамши я, но вполне могу соображать; вчера я всё изложил Памфилии, как я пытаюсь, и как они тут же всё извращают, и что я грешный и совершенно пропащий человек.

Я больше ничего не читаю, даже газет, и радио не слушаю. Я готовлюсь к Смерти, «вечной юности Бога». Прекрасная картина и притом еще моя собственная. Милый чувственный прекрасный Джинсозверь. Ах, не отвергай же меня.

Ваш

Герард.

1966

56 *Отправлено в понедельник, перед полдневным забором почты, из Блаухауса. (24 января 1666[12], если бы это было правдой)*

Дорогой Булли,

Сегодня ночью, лежа без сна, я подумал, что у тебя должен быть пристойный почтовый ящик. Как только появятся на него деньги, купи какой-нибудь и привинти. А если не боишься сквозняков, достаточно будет просто прорезать щелочку в дверной панели. (Просто горизонтальную; не вертикальную, поскольку это приносит несчастье.) В последнее время дела твои идут получше, но если у тебя при моем следующем посещении не будет щелочки, значит, что-то не так: с поэтом Нико В. тоже какое-то время было ничего, а теперь не стало[13], а всё почему? Потому что у него

12 По мнению Реве, такая датировка должна показывать, что он, что касается его «воззрений относительно Бога, Благодати и т. д.» принадлежит не этому веку, но второй половине XVII-го.

13 В оригинальном письме: «…и дом его был целую неделю затоплен». Это наводнение описано в «Милых

почтового ящика нету! И еще заметь, в какой день это письмо получил, тогда будем точно знать, как долго оно шло.

Тигр вчера вернулся отсюда в Амстердам, и бар теперь на замке. Мне придется всю эту неделю пробавляться двумя литрами женевера, так что к твоему приезду ничего не останется. (Может быть, я всё же куплю где-нибудь Крепкого.) У меня легкое похмелье. К физической работе сегодня нет никакого расположения. Так что собираюсь написать кучу писем.

С теплыми пожеланиями от друга Булли Герарда.

Греонтерп, 14 февраля 1966

Дорогой Булли,

Сижу тут, но далеко уже не в такой меланхолии, как прежде. Послушай: когда приедешь в Амстердам, зайди к багетчику. Фирма называется Wed. Fetter & Zoon и располагается по адресу Гастхаюсмоленстег 5. Стало быть, рядом со Схелтема и Ханделсблад: просто пройдешь вдоль экспедиции Ханделсблад к нам, потом налево, через мост и в улочку. Он знает, что ты должен зайти, и отметит, ка-

Мальчиках». Памяти поэта Нико Верхувена (Nico Verhoeven, 1925–1974) Реве посвятил книгу «Милая жизнь».

кую рамку, по-твоему, нужно. Сама картина[14] в Амстердаме, на Эрсте Розендварсстрат[15], свернутая, в одном из стальных шкафчиков. Если кто-то дома, можешь на всякий случай посмотреть холст, ибо, возможно, из твоей артистической мутной башки вылетело, как он выглядит. Но холст оставь на месте и с собой не забирай, ибо иначе насосешься в кафе Хоппе, и там он и останется.

Тигр посылает тебе эти гиацинты, Петер передаст.

Если он тебя не застанет, то оставит их себе.

Ну, самые теплые пожелания от твоего восставшего из Запоя

Герарда.

Греонтерп, 7 июня 1966

Дорогой Булл,

У меня всяческие тревожные предчувствия, и чувствую я себя – в плане духовном – не ахти. Что же касается тела, то всё отлично: сегодня восхитительно подрочил в постели в 4:45 (думая о Бархатном Мальчике, целиком отданном во власть Беспощадного Мальчика) и восстал в 5:15. Сейчас 6:30. Но я подумал: что-то надо делать, если не войну начать, то хотя бы

14 Скорее всего, речь идет о «Фризском зимнем пейзаже».

15 То есть в квартире Реве и Тигра.

политику конфронтации с королем Алкоголем. Потому что иначе он нас погубит. Ты скажешь, что всё не так страшно, и это правда, но для супругов наших в этом веселого мало, и нам нужно еще много работы проделать. Алкоголь пожирает огромное количество энергии, это я точно заметил. Вчера я после визита сделался еще грустнее. Когда Ван Э. здесь, я еще как-то справляюсь, и только когда он уходит, скорбь и чувство провала полностью охватывают меня. Лучше уж быть алкоголиком, чем социальным работником, это да. Совершенно новую Жизнь должен я начать, вставать с солнцем и очень рано в постель. Если кто-то придет, ты уже много часов отработал, в любом случае. Вот так мне думается.

Сейчас пью мятный чай. Тоже ничего хорошего, хотя я себя обманываю, типа мать честная, как дивно освежает.

Интересно, какие дурные вести скоро принесет почта.

Сегодня – только работа и секс, и никакого Алкоголя!

Смерть Фит Чонгу[16]! Да здравствует наисвятейшая и преславнейшая Дева, Матерь Божия и Соизбавительница!

Самые теплые пожелания от вашего Герарда.

16 Реве в те годы регулярно ввязывался в дискуссии относительно Вьетнамской войны, причем был против Северного Вьетнама и Вьетконга (собирательное название для противников Южновьетнамского режима).

Амстердам 18, 14 июня 1966
Дуббельмондехоф 2, 11[17]
Телефон (020) 19-14-10

Дорогой Бул,

60 Настоящим посылаю тебе копию счета, который я отправил на VARA[18] (21 гульд., – нормальный копирайт за картинку или фото, которое будет демонстрироваться по телевидению; и Хенк де Бей, и scriptgirl[19] мне сказали, что это так).

От Виллема я слыхал, что ты доволен, и так и должно быть.

Я был под конец совершенно на пределе, потому что в полдень вдруг выяснилось, что кое-что было зачитывать нельзя[20], и пас-

---

17 Новое жилье Реве в Амстердаме.

18 В тот период Реве регулярно выступал с чтениями своих книг в программе «Из Бельвю», которую вел актер и режиссер Хенк де Бей (Henk de By). Счет относится к передаче от 13 июня 1966, в которой показывали два офорта Франса Паннекука: «Новый пейзаж с кроликом» и «Портрет одного пера моей утки».

19 Сценаристка, автор передачи (*англ.*).

20 Совершенно очевидно, что Реве читал фрагмент из «Письма, написанного ночью», в котором обстоятельно описывал свой визит к Паннекуку. Проблема, вероятно, возникла в связи с пассажем, в котором «Самми или Салли Коперберг» «слегка пригладил свой хуй» («Ближе к Тебе», рус. перев. 2006).

саж, который я вместо этого должен был выбрать, уже не привязывался к твоей работе, и это в то время, когда Памфилия уже плела интриги. В конце концов всё-таки я победил – после бесконечного пиздежа, но прямо перед передачей меня просто пронесло от нервотрепки. Телевизионные годы – Индийские годы[21]. С моим вступлением в Римско-Католическую церковь[22] всё пошло довольно хорошо. Ламберт С. хотел, чтобы Памфилия была моей крестной матерью, на полном серьезе. «С чего тебе вдруг в голову взбрело, старый ты похотливец?» – спросил я.

Ну, в спешке и со всяческими добрыми пожеланиями и объятиями, ваш

Герард.

21 См. сноску на с. 28.

22 Крещение Реве состоялось 27 июня 1966. Осуществили его Ламберт Симон (священник, крестный отец и друг Реве) и Бен Хемельсут (1930–1999), друг Реве, преподаватель экзегетики в духовной семинарии в Вармонде). По этому поводу Реве написал заявление, опубликованное в «Тираде» в июле–августе 1966 и затем перепечатанное в «Большой уборке».

Гюлпен[23]*, 23 июля 1966*
(*Южный Лимбург*)
Гостиница «Брауэрсвапен» (*Brand Bier*)
In re[24]*: Letzter Frühling*[25].

Дорогой Бул,

Из полнейшей Бездны. Да утешит, согреет,
62 просветлит и указует тебе путь Дух святой, который в вечности. Мне необходимо писать к тебе. Я ездил на Юг страны, возможно, навстречу своей Судьбе. Р., Мальчик, о котором я говорил тебе, гостит в соседней деревушке Эуверен[26]. Завтра мне предстоит Серьезный Разговор с его матушкой, после мессы. Гостиница чистенькая, но это – вершина печали. Ах, милый, хотел бы я, чтобы ты был здесь, подтрунивал надо мною и утешал меня. Виды здесь хороши, но люди – нечто вроде сорной травы, которая растет сама по себе.

Вчера мы развесили картины. На одну, «Фризский летний пейзаж», я сидел и глядел битый час. Только большой художник, или пророк, может увидеть в пейзаже то, что увидел в нем ты. Пишу что ни попадя. Ах, душа моя, обещай мне, что никогда более не станешь сомневаться в своем таланте художника. И ес-

23 Община Гюлпен-Виттем на юге самой южной нидерландской провинции Лимбург.

24 Относительно, по вопросу (*лат.*).

25 Последняя весна (*нем.*).

26 Согласно «Письмам к Йозин М.».

ли бы я мог стать твоим Тео[27], существование мое было бы оправдано.

Сегодня, прибыв поездом из Амстердама, ездил с Мальчиком автобусом в Маастрихт, гулял по холмам, влюбленно сидел на скамейке, невинно резвился на нивах, вечером прошелся по кладбищу и целовался в темноте. Что дальше? Ах, милый Бул, не отвергай же меня.

Если всё тебе наскучит и будет время, приезжай сюда. Я еще несколько дней пробуду в Гюлпене или в окрестностях. Если захочешь писать мне, посылай до востребования, в Гюлпен, Южный Лимбург. Ну вот, видишь. Если у тебя не на что приехать, возьми у Тигра. Тут везде можно нажираться до двух ночи, и даже в воскресенье утром все кабаки открыты.

Я отчаиваюсь и сомневаюсь по любому поводу, кроме этого одного, который есть ужасная Тайна: человек страдает в течение всей своей жизни, но, умерев, он исчезает. А страдание его, однако, остается при Боге, узнаваемое им, как оно есть. Таким образом, страдание Господа постоянно возрастает, покуда не станет для него непереносимо тяжелым. Тогда Он – в глубочайшем отчаянии – предложит Свое всемогущество Сатане. И благодаря это-

27 Один из многочисленных намеков на Ван Гога. Судя по письму от 10 августа 1966 и стихотворению от 14 августа, амбиции Реве простирались всё же несколько дальше, нежели просто быть «братом художника».

му предложению Сатана сделается столь покорен и растроган, что в слезах бросится к ногам Господа, дабы по доброй воле и Любви вечно служить Ему. Тогда всё станет завершено и спасено, и Господь сделается «всё в едином». Правда, это может занять длительное время перед тем, как тот или иной завершит свое дело – ибо Бог самому себе дал зарок: торжествовать только благодаря любови, а не всевластию.

Это есть Загадка. Я вовсе не пьян. Отчего же мне всё-таки так грустно, в то время как моя новая чудо-книга «Ближе к Тебе» по-прежнему раскупается, как горячие пирожки, и «Брун ИЛА Букс», «Спорвегбукхандел» и т. д. пару дней назад заказали 2500 экз. «Ближе к Тебе» + 1000 экз. «По дороге»? Не знаю: созидательный художник, вечно в поиске и т. д. Бул, ты немного знаешь меня, и знаешь, что я ничего не выдумываю и не питаю иллюзий. К тебе текут всяческие деньги, в том числе 175 гульд. от Союза Рабочих-Радиолюбителей или других любителей людей и рабочих.

Я очень счастлив, что ты так серьезно работаешь. В любом случае я хотел бы заполучить нижнее из 4-х полотен, этот «Вид на Эйсселмер»[28]. Он напоминает мне, прежде всего по колеру, картину пляжа, где девочку причесывает пожилая женщина: Мане, или Моне, какая разница, только одна буква,

28 Ijsselmeer – искусственное пресное озеро в центральных Нидерландах на месте бывшего залива Зёйдерзее.

это всего лишь искусство[29]. В ней есть грусть, хотя в остальном это совсем другое.

Мне очень хочется покончить с жизнью, но это невозможно, по всяческим мудреным причинам. Мне нужно жить и бороться дальше. Но всё кажется мне таким безумным, я имею в виду то, что движет людьми. Возможно, это хорошо и разумно, если я всё, что переживаю в связи с Богом, сведу в Христианский Манифест.

Ну, заканчиваю. Теплые приветы передает Dichter und Bauer[30], также Памфилии и Зверям, твой

Герард.

Гюлпен, гостиница «Броуверсвапен»,
24 июля 1966

Дорогой Бул,

Вот и опять наступило утро. Всё кругом еще такое печальное, но не так, как вчера вечером. Так что не принимай ничего буквально, кроме дружелюбия в твой адрес, и не приезжай сюда. (При условии, что смог бы.) Вскоре мы с Мальчиком Р. и его сестренкой идем

29 Вероятно, имеется в виду картина Мане «Sur la plage de Boulogne» (1867).

30 «Поэт и Крестьянин» (*нем.*), намек на оперетту австрийского композитора и дирижера Франца фон Зуппе (Franz von Suppé, 1819–1895).

к св. Мессе. Потом – беседа с его матерью, которая ко мне весьма расположена. Но что, Господи помилуй, может появиться из почтового ящика? Чем старее, тем дурнее, вот уж точно. Так что сохраняй расположение духа и работай прилежно. Ты можешь приехать забрать своего котика, с позавчера он уже иммунный. Жаль, что смертность среди твоей живо-
66 тины такая высокая, хотя с положением Tiervernichtunglager'а[31] г-жи Оф не сравнить.

Сегодня уезжаю из этой гостиницы, поскольку она мне не нравится, и, думаю, сяду в Маастрихте в автобус, через 20 минут, отдалившись от моего Миленького.

Горячие приветы от вашего Шкипера Господня[32]

Герарда.

13 июля 1966

Дорогая Памфилия,

Завтра утром, в понедельник, Виллем будет проезжать мимо вас часов в 10–12, так что, ес-

31 Лагерь для уничтожения животных (*нем.*). Ср. «Не видно ни одного из бесчисленных котов, которые имеют обыкновение, несмотря на кормление из пипетки, подыхать в коробке или корзине, и это служит мне скромным утешением…» (По дороге к концу»).

32 Намек на роман Яна де Хартога (Jan de Hartog, 1914–2002).

ли хочешь, можешь поехать с ним в Амстердам.

Я сегодня покормил твоих Птичек. Обнимаю,

Герард.

Греонтерп, 67
понедельник 1 августа 1966

Дорогой Бул,

Когда вернешься домой, заезжай ко мне. Я через день езжу кормить твоих Животных и присматривать за ними, а свежеснесенные яйца кладу в ваш холодильник.

Горячие приветы от вашего обывателя-писателя, который опять, слава Богу, соскочил с таблеток. Твой

Герард.

Вторник, 1 августа, 12:30

Дорогой Бул,

Памфилия звонила, что, вероятно, сможет продать офорты. Или ты, значит, если приедешь в Амстердам, в любом случае прихватишь некоторое количество на продажу. Пред-

полагаемый покупатель – богатый человек из Никкер Ри[33], как я понял.

Приветы,

Герард.

Греонтерп, 6 августа 1966

68

Дорогой Булли,

Спасибо за оба твои письма и за сообщение о том, что ты благополучно прибыл в Нидерланды. Нам вскорости надо дня на два–три в Амстердам, так что мы с тобой разминемся. Виллем время от времени ходил ухаживать за твоими Зверьми. В один прекрасный день весь корм закончился, а он точно не знал, присматривает ли кто-то еще за ними, поскольку ты уж очень долго отсутствовал. Молодой козлик погиб (полагаю, от глистов, у двух других доктор Орд взял кал на анализ). Сначала ваш соседский парнишка был уязвлен в своем престиже, но потом Тигра всё объяснил, и воцарился прежний мир.

Мое физическое состояние довольно скверное. Какой-то паралич на меня напал. Стоит мне сделать пару шагов, и уже нужно присесть. Когда ходил в деревню за покупками, отчаялся назад добраться и т. д. И из рук то и дело всё

33 Т. е. из Никкери – округа Суринама, расположенного на северо-западном побережье.

валится, натыкаюсь на всё и т. д. Но надо держаться. Будь ласков с Памфилией.

Горячие приветы от Старого Завязавшего Медведя

Герарда.

10 августа, A. D. 1966 69
На борту теплохода «Благодарность»,
с окровавленной башкой.

Дорогой Мерзкий Толстяк,

Я всего лишь оттяпал себе ухо. Простреленная в поле куртка, я думаю, последует позже. С этой своей больной, гудящей башкой, полной трупных мух и комаров, сижу над вычиткой интервью[34] для чудо-газеты «Элсевир». Мне нужно потихоньку отплевываться от всего, что имеет отношение к Реве.

Смерть Фит Конгу! Выше голову.

Самые теплые пожелания тебе и твоей будущей женушке от твоего

Герарда.

34 Интервью, взятое у Реве Вимом Залом и Фритсом ван дер Моленом, было напечатано в «Элсевирской газете» под названием «Пиетист из Греонтерпа» 20 августа 1966.

Ассен, Госпиталь Вильгельмина,
14 августа 1966
In re: разбитый кувшин

Дорогие Бул и Памфил,

В пятницу утром, по дороге домой, со мной в поезде случился приступ делирия. Из-за этого я оказался не в той секции поезда, вышел в Бейлене и попросил о помощи. Бейленский доктор направил меня в Ассен, в клинику, где мне теперь хорошо. По собственному почину я без курса отвыкания и linea recta[35] выбрался с помощью таблеток с резкой отменой алкоголя. Теперь я досконально знаю, как выглядит ад. Я должен остаться тут еще на некоторое время, и меня постоянно долбят амфетаминами. Постепенно я даже стал находить это занимательным – с настоящим делирием в настоящей клинике. Самое страшное, что мне нужно будет воздерживаться от Бухла, это ведь жертва, мягко выражаясь, и мне это очень сильно боком выйдет. Проходил на себе, Бул, старина, правда же? А знаешь, что прямо перед приступом, в том же самом поезде я стишок написал, про тебя? Прилагаю.

Горячие приветы вам и скоту вашему от твоего

(Старого и испитого, довольного, что кто-то еще приветствует его)

Побитого Непогодой Пернатого Друга Герарда.

35 Непосредственно, прямо (*лат*).

Беспечный артистический народец[36]

Опять мы с Франсом надрались без меры,
Он врезал мне бутылкой по башке.
Но в поле револьвер разряжен не был,
И ухо цело у меня, о, Вечный!
Твой Свет есть тьма, молчание – Твой голос,
И пустота – присутствие Твое.

Греонтерп, 26 октября 1966

Дорогие Булли и Памфилия,

Невзирая на характер приговора, который будет вынесен в четверг 3 ноября утром в 9:30[37], вечером того же дня мы в нашем жилище в Амстердаме устраиваем Незатейливый Слет.

Это я пишу в спешке и довольно усталый, ибо мы с Петером целый день долбились.

С теплыми приветами от Тигры и Герарда.

---

36 Сокращенная версия этого стихотворения была включена в поэтический сборник «Поющее сердце» и книгу «Свой дом».

37 Приговор Амстердамского суда по так называемому «Ослиному процессу». Текст приговора можно найти в книге Яна Феккеса «Господь твоей тетушки, или Ослиный процесс Герарда Реве». Суд освободил Герарда Реве от преследований. См. «Митин журнал» № 66.

1967

72

Пиньюм,
1 мая в 16 часов

Дорогие Бул и Памфилия,

Я надеялся застать вас дома, но не тут-то было. Пол в кухне, мне показалось, покрашен очень хорошо. Бедный художник называется, а холодильник набит иноземными сырами, и повсюду вино дорогущее; а кто за это платит? Кто же иной, как не мы, налогоплательщики, маленькие люди, которым нечего рассказать! И ты еще жалуешься!

Хочу вас пригласить: в понедельник, во второй день Троицы, стало быть, приезжает погостить мой духовник. Мне кажется, будет здорово, если вы вечером придете на ужин. Присмотри, чтобы Памфилия нарядилась не слишком соблазнительно для бедного целибатера.

Твой
Герард.

Лиссабон, 28 июня 1967

Дорогие Памфилия и Бул!

Пока что путешествие наше протекает удачно. Ссорились мало; правда, была парочка легких приступов делирия, которые я по большей части скрывал. Умеренность, более-менее, уже удается, и сегодня я начинаю совершенно новый, здоровый режим. В воскресенье мы были в Фатиме. Оказалось не так страшно, как я ожидал. Всё это время мы ежедневно проделывали слишком длинные пешие прогулки, чтобы суметь еще поработать вечером, но надеюсь вскоре послать тебе письмо.

С любовью,
Виллем, Джордж и Герард.

Вехер де ла Фронтера[38]*, пров. Кадис,*
6 июля 1967

Дорогие Бул и Памфилия,

Вот теперь пишу обещанное письмо. Мы проделали относительно удачное путешествие. В Лиссабоне нам пришлось обратиться в ремонтную мастерскую Фольксваген, что оказалось, в сущности, очень недорого, поскольку

38 Vejer de la Frontera – населенный пункт в провинции Кадис, Андалусия.

они вчетвером 2–2½ дня провозились над мотором (в том числе чистили клапаны), заменяя всякие мелочи, и за всё – 70–80 гульденов, включая мытье машины, выколачивание ковриков и уборку внутри, спрыскивание мотора чистым маслом, и они всё открывали и чистили и т. д. Если к ним прийти с мелкими неполадками (клаксон испортился из-за плохого

предохранителя и т. п.) – всё сделают бесплатно, правда, просачкуют над этим полчаса. А в Амстердаме это всё обошлось бы вдвое дороже.

Мы продвинулись не дальше Альхесираса, а оттуда – немного назад, на север. Проживаем уже три–четыре дня в третьеклассной, но очень хорошей гостинице, откуда ходим на пляж. Здесь по ночам приятная прохлада. Я пью относительно мало (1½–2 литра) и в целом совершенно не употребляю крепкого. Настроение в основном хорошее. Путешествовать втроем менее удобно, чем думалось раньше, но вот уже две недели обходимся без скандалов. Как обычно, я опять тоскую по дому и по тишине. (Шум здесь, на Юге, как только прихлынет некоторое богатство и у каждого появится мотороллер и транзистор, а у ¼ населения – автомобиль, сделается совершенно невыносимым.) Я составляю список всего, касающегося Работы, и по возвращении мне нужно будет его придерживаться. Очень рано вставать, очень много работать и, разумеется, мало Пить. Для своей крестильной свечи

я еще не нашел подходящей церкви: похоже, что с возжиганием свеч здесь покончено, и замена этому – сальные плошки, нечто вроде веркадских свечек[39]. Но китч и настоящее барокко, которые видишь здесь, и прежде всего в Португалии, выходят за рамки любого воображения. Как-то случайно зашли мы в Лиссабоне в церковь св. Роха, которая из-за землетрясения (в середине XVIII века) была повреждена только с фасада. То, что там у них на стенах, верно, миллионы должно было стоить, даже тогда: мозаика размером 5×7 метров, такая изящная, что с расстояния 1¾ метра не отличить от картины: целые стены в ангелах из плавленого серебра и т. д. В Кадисе мы были в церкви; в ней со стороны алтаря – стена, полностью покрытая позолотой и освещенная сиянием сотни свечей, но, увы, там шла свадебная служба, к которой мы присоединяться не хотели, а то осмотрели бы всё получше.

Теперь начинаем закупать сувениры, мука мученическая. Красивого китча в этих краях не сыскать. Стало быть, придется запасаться дорогими продуктами. Я купил пару ботинок, от которых только боль, когда я их надеваю.

Пляжи здесь прекрасные, в километры длиной, и по большей части пустынные. Всё, в сущности, идет очень хорошо, но я, как всегда, непрерывно ломаю себе голову о Бытии и его смысле.

---

39 Verkade – в прошлом одна из старейших нидерландских мануфактурных компаний.

Джордж Б. с его длинными волосами – странная картина для Португалии (как в коммунистических странах, там длинные волосы мальчикам запрещены), но к нам относятся с неизменной любезностью. Думаю, что Лиссабон тебе очень бы понравился. (Сотни чистейших комнат, где можно есть жареную или печеную рыбу, салат, хлеб и пить вино, практически даром, и вкусно и хорошо приготовлено.) Унылый и кроткий народ эти португальцы.

Возможно, еще напишу.

Сердечные приветы от Тигры и Герарда.

Вехер де ла Фронтера, Пров. Кадис,
9 июля 1967
Отель «Ла Барка де Вехер», номер 8

Дорогие Бул и Памфилия,

В этом отеле – он довольно приличный, и кухня в нем за пристойную цену неплохая – мы осели. Это, полагаю, уже седьмой день. Вехер где-то на полпути от Тарифы и Кадиса. Сам город расположен на горé, отель – внизу, на перекрестке трех дорог.

Биваки были порой удачными, порой нет. В Альхесирасе в кемпинге «Reina Christina» приходилось платить сто песет в день. Возможно, это не было так уж много, туалеты и ду-

ши были чистейшие, но нас зажрали комары. Здесь же мы за две комнаты (одну для меня и Тигра, одну для Джорджа) платим в целом 115 песет. Умывальник тут оснащен всего одним краном, и это экономит досаду по поводу того, что не идет горячая вода, если ты понимаешь, что я имею в виду.

С деньгами у нас всё в порядке. Я постепенно начинаю пить всё больше, и это тревожит меня. Сегодня в четыре проснулся и несколько часов боролся с Сатаной, который есть Змий Древний и коему, как известно, до Конца времен надлежит находиться низвергнуту в бездну «на тысячу лет, после же сего ему должно быть освобожденным на малое время»[40]. Это был страх перед страхом, что может случиться делирий. Я теперь собираюсь совершенно бросить пить, если не будет абстинентного синдрома, но и тогда пару дней можно продержаться. К счастью, у нас хлоралгидрата в избытке, плюс две ампулы сомнибарба с двумя одноразовыми шприцами. У меня теперь, что называется, маниакально-депрессивный период. Я считаю, что не очень хорошо обращаюсь с Тигрой и веду слишком эгоистический образ жизни – что касается его, так и в целом. А еще я обдумываю то, что собираюсь писать: книги мои становятся совершенно безумными, непонятными почти для всех. Я ищу Бога, но расскажите мне, где мне хорошенько поша-

40 Ср. Апокалипсис 20, 2–3.

рить, в каком буфете или ящике стола, я имею в виду. Иногда сюда приходит, переваливаясь с боку на бок, старая голубовато-серая утка, и мне представляется, что это ты, то есть что ты в ней сидишь. Мы с тобой помогаем друг другу бросить пить, правда же. Страх Смерти пожирает и сжигает меня, и это в то время, когда я точно знаю, что я, старый, больной и усталый, завидев перед собою Смерть, печально покачаю головой, удивляясь, что столько лет терзался и тревожился. (Попрошу у Гротхёйзе[41] еще раз чего-нибудь бодрящего, что может на несколько часов вытащить человека из Ада и повеять на него прохладой.)

Я преисполнен хорошими предчувствиями в отношении нашей с тобой книги[42], и появление ее отмечу торжественно.

Виллем довольно сильно увлечен 20-летним содержателем кафе с прелестным именем Диего Р. С., который пролежал 4 года в постели, ибо страдает почками. Он в самом деле очень милый мальчик, и мысль о том, что ему, по моим расчетам, осталось не больше одного года пребывать в сей юдоли слёз, заставляет

41 Jan Groothuyse – лечащий врач Реве (см. «Письма моему врачу», рус. пер. – 2015).

42 В конце 1967 г. вышла книга «Четырнадцать офортов Франса Лодевейка Паннекука: разъяснение для рабочих Герарда Корнелиса ван хет Реве». Первоначально она называлась «Двенадцать офортов и т. д.» Последние правки были внесены в текст в период с марта по начало июня 1967 г., согласно «Письмам к Йозин М.».

мою Штуковину вздыматься со страстной нежностью. Твой асцендент[43] – Рыбы, не так ли?

Пляжи здесь отменные. До сих пор мы ездили купаться исключительно в Барбате де Франко, где вышеупомянутый молодой человек держит бар. Там, в баре, покупаем и вино на вынос, дешевое и приемлемое, по 11 песет за литр (марочное вино с этикеткой), а некая здешняя именитость постоянно за нас платит; вчера он показывал нам местную консервную фабрику, где как раз разделывали 14 громадных тунцов.

Я со своими перьевыми ручками и чернильницей привлекаю повсюду множество зрителей. Возможно, само писание делает кого-то уважаемым волшебным животным. Я сижу на террасе перед гостиницей, где в это время (между 8 и 9 утра) практически никого. По случаю воскресенья играют только две радиостанции одновременно, вместо трех–четырех. Шум – проклятие этой страны, которое с каждым годом становится только ужаснее. Мальчики еще не встали, думается мне. Я так и не ходил к Мессе, и большая моя крестильная свеча всё еще при мне. Три–четыре книги, даривши мне утешение, я забыл в Греонтерпе. Вчера мы начали закупать дурацкие подарки, и теперь у нас три этаких никчемных пористых кувшина.

В пятидесяти-шестидесяти метрах отсюда живет в горной пещере ведьма, толстая ста-

43 В астрологии: восходящий знак.

рая цыганка; она просит подаяния у паркующихся автомобилистов и определенно имеет признанный статус, хотя временами разражаются ужасные перебранки между ней и практически фиктивным смотрителем парковки, чей промысел она, очевидно, подрывает.

Здоровье наше в отменном порядке. Один только день был, когда нас пронесло начисто. Возможно, это питьевая вода стала лучше, нежели четыре года назад[44]. (В некоторых городах чувствуется, что она хлорированная, что вряд ли можно назвать достоинством.)

А теперь заканчиваю, выкликая Тебе искренний Летний привет.

Самые теплые пожелания от твоего собрата по цеху, от Тигры и Сьорса[45].

Твой
Герард.

Греонтерп, 4 сентября 1967

Дорогой Бул,

Завтра я собираюсь нанести визит вежливости своему врачу в Амстердаме, но по пути в Амстердам хочу сделать еще две вещи: 1) где-

44 Летом 1963 г. Реве путешествовал по Испании, Португалии и Марокко. См. «Письмо, найденное в бутылке» в книге «По дороге к концу».

45 Голландский вариант имени Джордж.

нибудь в парке набрать кучу шиповника, чтобы сварить из него варенье; 2) проехать мимо Хейло, посетить храм Марии Заступницы и зажечь пред нею пару свечей. Это почти по дороге. Я чувствую, что пренебрегаю ею, в то время как статус ее не слишком отличается от статуса ее Сына: во всяком случае, я не верю более в какое-либо избавление без нее, хотя вслух этого, полагаю, еще сказать нельзя.

Сильно выпимши, тайком, но ужас как хорошо соображаю. Как видишь.

Твой преданный и давний друг
Герард.

Амстердам, 25 октября 1967,
Дуббелмондехоф 2″

Получил твое письмо от 12-го.

Дорогие Франс и Хелми,

Давным-давно собирался написать вам, но не получалось из-за всяческих нервных осложнений, которые, возможно, всё же хорошо закончатся. Для начала: я по-прежнему нездоров. (Сегодня днем 38°, что для моего обычного состояния почти на два градуса выше.) Был нынче в туберкулезной консультации, где меня просвечивали, делали соскобы, брали кровь, фотографировали и т. д., и наде-

юсь, они выяснят причину. Я постоянно смертельно усталый и в самом жалком состоянии. Речь готова и стала поистине мастерской, это да, и на заседании Суда я отлично защищался[46].Также и выступление мое в *Mies & Scène,* в пятницу 13-го, про пинок Симону В., было весьма успешным[47]. Выход нашей книги я смог задержать до ноября[48]. Томас Р. весьма хло-
82 почет о том, чтобы она поступила в продажу. (Текст уже напечатан.) 31 октября апелляционный суд выносит постановление. Хорошо – как правило – осведомленные «наблюдатели» ожидают приговора[49].

Ты знаешь, что я всегда хочу написать хорошее, вдохновенное письмо, а (сейчас) как-то не получается, и всё же я хочу писать к тебе, поскольку думаю, что тебе приятно будет получить от меня весточку. Сегодня в консультации был ужасно милый 18-летний Кофейный мальчик[50], очень тихий и застенчивый и кра-

---

46 Реве произнес эту речь перед Амстердамским высшим судом 17 октября 1967 г. (см. сноску на с. 83), затем она вошла в сборник «Четыре защитительные речи».

47 См. прим. 2.

48 Передача Mies-en-scène, посвященная «Четырнадцати офортам», в конечном итоге состоялась 8 декабря 1967 г. (см. также письмо Реве Паннекуку от 10 декабря).

49 Вопреки ожиданиям Реве, он был оправдан, ибо последний пункт обвинения не нашел доказательств.

50 Т. е. скорее всего индонезиец.

сивый и мечтательный и Одинокий. Он вошел в лабораторную прямо передо мной, чтобы сдать кровь. Я подумал: если он, выйдя оттуда, упадет в обморок и прямо в мои объятия, я больше никогда не усомнюсь в Боге. Он выходит наружу и останавливается у другой двери, ждать (но теперь я был перед ним). Я завел разговор, и он сказал: «Не очень-то я эти уколы переношу». После чего помолчал, и я вижу, что у него кровь от лица отхлынула. Он тут же падает, и я ловлю его в свои объятия. Я ощущаю запах его темно-русых, гладких Мальчишеских волос и шеи возле ушек. На скамейке он опять быстро пришел в себя. Возможно, в этом был замысел, что мы всегда будем любить друг друга, но вот он ушел, в вечность, и я никогда больше не увижу его[51]. «Wo bist du geblieben, ach schöne Jugendzeit»[52]. Так остается наша жизнь умиранием.

«Арбейдсперс» с огромным воодушевлением относится к моей защитительной речи. Отдельно от книжки я могу в частном порядке, за их счет, опубликовать ее в 110 экз[53].

---

51 См. прим. 3.

52 Здесь угадывается цитата из знаменитого шлягера 1958 г. «Schön ist die Jugend» (*нем.* «Прекрасна молодость»), который исполнял нидерландский дуэт Лени и Людвиг (Leni Raats, 1925–2013, Ludwig Rutar, 1915–1993).

53 Полное название: «Защитительная Речь Герарда Корнелиса Ван Хет Реве Для Заседания Апелляционного Суда Во Вторник 17 Октября 1967».

Не вполне представляю, что именно Мис и Лен хотят от меня, но я хочу выжать из всего этого рекламу для тебя, из передачи от 10 ноября, стало быть. Я всякий раз с отвращением жду очередного мероприятия, но они всегда заканчиваются удачно. Отец Х. отслужит св. Мессу, когда мы захотим, но мне придется испрашивать разрешения у гронингенского епи-

скопа, как говорится, потому что на дому это пока еще не разрешено.

Все больные розы из сада мы выбросили, теперь там, наконец, только хорошие, которые цветут долго и не подвержены гнили. Не понимаю, отчего всё у нас всегда раза два должно идти наперекосяк, с огромными растратами, прежде чем получится хорошо, как и надо. Как видишь, я в довольно сильной депрессии. Вчера, правда, имел обнадеживающую беседу с Яном Гротхёйзе, который славно обо мне печется. Позавчера, пока я еще был в Греонтерпе, явился Покровитель Q. с ночевкой и привез огромного зайца, застреленного собственноручно, я таких громадных еще не видывал. Я прихватил его в Амстердам и приготовил для Гротхёйзе в его кухне.

Однако люди, прежде всего молодые гомосексуалисты, наводят на меня жуткую скуку, за исключением некоего Эрнста Э., – он в самом деле милый Мальчик и человечное существо. (Высокий светловолосый Мальчик.)

В остальном сообщать особо не о чем. Главное, что мы должны сохранять единодушие,

чтобы благодаря этому напряженно работать над публикациями. Как только поправлюсь, сразу же напишу тебе.

Крепкого здоровья и энергии желает тебе твой немощный собрат по цеху

Герард.

Греонтерп, 22 ноября 1967

Дорогие Бул и Памфилия,

Я был очень рад твоему письму от 19-го, которое пришло утром. Меня весьма успокоило то, что ты здоров и можешь работать. Правда, я впал в неимоверную тревогу по поводу всего и испытываю огромное желание приехать к тебе. Но пока что это невозможно: передача – 8 декабря, 14 декабря мне исполняется 44, на Рождество приезжает Перкин[54] и т. д. Ну и еще нужно принять всяческие меры к тому, чтобы коты могли жить в Амстердаме и через дверку на веранде выбирались бы наружу по своей неспешной нужде. Но я охотно приехал бы в январе, а Виллем потом меня заберет на Пасху, если его пасхальные каникулы будут достаточно длинными. Я смогу привезти довольно Денег, чтобы нам хватало на весьма умеренную жизнь, и попытаюсь целыми днями писать.

54 См. сноску на с. 39.

В будущую субботу появится – вероятно, хвалебная – рецензия в «Ньиве Роттердамсе курант»[55]. Тем временем я занят тем, чтобы получилось, что все эти деньги за передачу 8 декабря целиком были переправлены тебе.

Завтра выходит книга. Вопрос о библиофильских офортах, однако, стоит остро[56]. Я только что звонил Томасу, дать ему твой адрес. Хочу послать тебе бабок, потому что, мне кажется, это грех, что я сначала должен буду получить их в виде заработка (60% потеряем), а уж потом отдать тебе. Я хочу, как уже сказал, все VARA-деньги направить прямиком тебе.

Мне опять уже гораздо лучше, наконец, правда, переработался, как считает доктор. Суд в очень кратком, недвусмысленном приговоре меня оправдал – поистине полная реабилитация.

Теперь пойду отправлять письмо. Томас сказал, что сегодня напишет тебе. Если тебе

---

55 Под названием «Книги для рабочих и мандаринов» «НРК» обсуждает 25 ноября 1967 г. «Четырнадцать офортов» и статью В. Ф. Херманса «Мандарины в серной кислоте».

56 Первый выпуск «Четырнадцати офортов» состоял из 2500 экземпляров, из которых 50 предназначались для библиофилов. Они были подписаны Паннекуком и Реве; кроме того, одна пятнадцатая часть была снабжена офортами, отпечатанными при помощи ручного пресса. В 1968 г. вышло второе издание количеством ок. 1500 экз. После этого текст, без офортов, был включен в «Четыре защитительные речи», а затем в «Свой дом».

там нравится, попытайся этот дом тут сдать, чтобы всё не промерзло и не прогнило. Растения я два раза поливал. Там кишмя кишит мышами, попытаюсь что-нибудь сделать. Два дня был мороз, но преимущественно ночью, так что не думаю, что за короткое время он проникнет в известные удобства. Теперь здесь умеренная, безветренная погода, и исчез гадкий туман, из-за которого невозможно было согреться.

Ты там поосторожнее с алтарями, реликвиями и т. д. Это примитивный народ, абсолютно отождествляющий себя с символами, и святотатство обойдется тебе как минимум в крупный штраф плюс высылка. Это как с полицейскими в Англии: оружия при себе нет, но за убийство – вешают, и все церкви в Испании всегда открыты, но кто что сопрет, тому мало не покажется. (И поделом, в сущности).

На проверку положу-ка я в конверт четвертной. Песета упала на ±15%, как и Фунт, а вот Гульден нет. Дай знать, как получишь. Эти пропавшие 100 гульденов Х. ван Е. я считаю ужасной дуростью[57]. Теперь сажусь перепечатывать приговор.*

С любовью – скоро напишу опять – от собрата по цеху

Герарда Реве.

* Позже, не сейчас: много работы.

57 Из посланных вместе письма и банкноты в 100 гульденов до Испании дошло только письмо.

Греонтерп, 26 ноября 1967

Дорогие Бул и Памфилия,

Спустя неделю относительной бодрости я опять впал в глубочайшую Меланхолию. Од-
88 нако не позволяю себе соблазниться бутылкой, ибо опыт меня теперь более чем научил, что от нее будет только хуже. Всё меня страшит: Теле-Еле-программы, куча лекций, небольшая перестройка в нашем доме в Осдорпе, рождественские заезды гостей и обеды и т. д. Однако позавчера вечером, когда мы вышли пройтись, было у меня величайшее впечатление и ощущение нетленности всего. Позавчера приезжал сюда Х. ван Э., и, поскольку я был один, я мог справляться с этим лучше. Он вел себя менее буйно, нежели обычно. Предложил мне проехаться за покупками, и мы, забрав в Болсварде белье из стирки, завернули к тебе. Всё было в порядке, и, разумеется, Утка по-прежнему стояла там. Я уже раньше собрал все яблоки, потому исчезли и мыши. Однако их нечистоты остались, но я их как-нибудь уберу. Все эстампы, что лежат наверху, на столе в мастерской, я решил припрятать на случай, ежели заберется туда шальной народец. При возможности я что-нибудь из них продам[58]. Примерно

58 Эта возможность выпала Реве 9 декабря (см. его письмо Паннекуку от 10 декабря).

сто гульденов за штуку, видно будет. Если это что-то очень мелкое, козявка какая или жук или что, то чуть дешевле. Деньги не себе возьму, а сохраню для тебя. Надписывать положено, думается мне, карандашом, справа прямо внизу – ладно, посмотрим. Ты не мог бы сотворить для меня картину моих двух кошек? Они помрут через пару лет, и хочется всё-таки, чтобы косвенно хоть что-то от них осталось. Рядышком, одна чуть впереди другой, на заднем плане – поющий кофейник, пара старых рабочих башмаков, плетеный стул: живые и вечные символы человеческого существования как таковые. Я бы и сам нарисовал, но у меня далеко не так хорошо получится, ибо голова у Панды такая смешная.

Вчерашний экземпляр «Ньиве Роттердамсе курант» мне заполучить не удалось, и сегодня мы возвращаемся в Амстердам. (Это газета, абонентом коей по неким темным причинам является Виллем; нам обоим читать ее недосуг, субботний выпуск приходит сюда во вторник, а пятничный – в понедельник.) Как нам теперь получить номер, пока что ума не приложу.

Завтра позвоню Рапу: вышла ли книга, тогда он, если будет у него время, сможет занести мне экземпляры, из которых один нужно будет отдать Мис, она завтра днем приедет с Лен Тимп обсуждать мое участие в передаче.

Я бы хотел уехать, но один и не понукаемый различными ограничениями во вре-

мени; я не могу, или могу с большим трудом, посещать достопримечательности с другими. Я всё меньше бываю в состоянии вести разговор с кем бы то ни было: мир всё больше и больше попадает в руки дебилов и читателей газет.

Я просто продолжаю жить, но часто падаю духом. Поскорее сообщи мне о своих планах.
90 Если не любишь мóря и пляжей, в Испании полно домов на сдачу практически задаром. Правда, путеводитель гласит: «Коста Брава для зимних дач не рекомендуется. До конца февраля там выпадает много осадков, и до весны часто дует пресловутая холодная трамонтана[59] из Пиренеев». Прилагаю климатическую таблицу для твоей области[60]. Мне она, вообще говоря, вполне нравится. Я послал тебе (в Вальс[61]) письмо, в которое в шутку вложил 25 гульденов, а в другом конверте – печатный листок. Хенк передал для тебя листочек с нагими девицами, но не уверен, должен ли я посылать его тебе. Никогда не знаешь. Виллем вчера вечером немножко подкорнал мне волосы. Теперь у меня прическа длинная и романтическая, без пробора, как Памфилии нравится.

---

59 Трамонтана (tramontana, *ит.* «из-за гор») – холодный северный и северо-восточный ветер в Италии, Испании, Франции и Хорватии. Трамонтана может развивать скорость до 130 км/ч.

60 В настоящее издание не включена.

61 Valls – город в провинции Таррагона в Каталонии.

Недавно у меня случилась близость с одной девушкой – красоткой 22 лет, с одобрения ее весьма привлекательного, крупного, худого, хулиганистого жениха 25 лет с обворожительным именем Руди Р. Они остались ночевать после дня рождения Виллема. Поистине Белые люди, я считаю. Нужно, чтобы и во всем мире было так. Мне это показалось очень возбуждающим и романтичным, и я подумал, не изменить ли мне ориентацию, но делать этого не стал, поскольку Тигра ужасно мил, и, в сущности, одно ведь и то же, сзади или спереди; только вот женщины сильнее привязываются и более преданные, это правда, но ведь и Тигра же точно такой же. Хотя готовить ему нужно еще поучиться, что да, то да.

Больше я ничего не помню, и к тому же нужно приступать к готовке для Тигры. Стамппот из картошки в мундире и полпачки замороженного шпината.

Я опять немного воспрянул духом. Как только получу экстра-экземпляр корректуры моей защитительной речи, которая, как ты знаешь, выйдет в книжке под названием «Господь твоей тетушки», пришлю тебе.

Самые горячие приветы, прилежания и дневного воздержания и кротости по отношению к твоей жене желают тебе твой любящий Тигра и собрат по цеху

Герард Реве.

Греонтерп, 5 декабря 1967

Дорогие Бул и Памфилия,

Спешу ответить на твое длинное письмо от 27 ноября, которое пришло как раз этим утром. Мой совет – для того, чтобы сейчас поступить по-деловому и конкретно, прежде чем убеди-
92 тельно призвать к действию вездесущую Богиню Меланхолию, – после того, как я только что проконсультировался по телефону с Томасом Рапом (не спрашивай, во сколько мне это обошлось), звучит следующим образом: надо бы тебе вернуться, потому что не только офорты, но и 50 книг ты должен подписать сам, и подписчики всё больше серчают. Кроме того, ты можешь здесь привести в порядок дела, по возможности, поселить в своем доме надежного человека и т. д. С твоего дома сдуло пару черепиц – ураганом 17 октября[62], и в мастерской протекает. (Я успел вовремя забрать твои офорты.) Протечка очень небольшая, в стороне от печатного станка, так что не бойся. Дом был до последнего времени в хорошем состоянии, но теперь неописуемо отсырел, так что дверные ручки покрываются плесенью и т. д.

Но что я относительно этого предлагаю: попытайся избавить Памфилию от поездки

62 Сильная юго-западная буря 17 октября 1967 г. с порывистым ветром скоростью до 150 км/ч погубила четыре жизни и нанесла материальный ущерб в размере нескольких миллионов гульденов.

туда и обратно и от тутошнего хлама, и оставь ее дома под покровительством надежного человека. Имеет же она право тоже немного отдохнуть и пару недель походить без тернового венца. Вы оба можете несколько оздоровить дом, выяснить, удастся ли его продать за некую цену, за которую в вашем районе можно будет купить другой дом (я мог бы здесь найти для вас покупателя, если цена не взвинтится до безумной высоты) и т. д. Потом будем заходить к разным людям и пробовать продавать офорты. Предоставь это, по возможности, нам (Тому и мне). «Художник, не пытающийся серьезно сделаться деловым человеком, свершает предательство по отношению к своему искусству» (автоцитата).

Я не Иван Тургенев и не Гюстав Флобер и никогда ими не стану. Но писать могу как одержимый и намереваюсь, к вящей славе Господнего непостижимого Величия, как можно дольше и за как можно больше Денег продолжать в этом упорствовать. Как знать, может и ты – не Гойя и не Сегерс[63], но ты можешь писать и печатать офорты как проклятый, как и надлежит тебе, и вести торговлю, ломать шапку перед властями и т. д. В таком случае общество настолько отходит на второй план, что можно делать что-то лучшее, или уметь полнее выказывать свое отвраще-

63 Hercules Pieterszoon Seghers или Segers (ок. 1589 – ок. 1638) – нидерландский живописец и гравер фламандского происхождения.

ние к нему, нежели примиряться с ним. Если только умеешь вести культурную болтовню, трагическую или романтическую, с любителями искусства, оптимистическую или прогрессивную с мелкими обывателями, или наоборот, разницы большой нет.

Сразу же по приезде в Роттердам воспользуйся возможностью продолбить себе башку, прежде чем твой синусит станет неизлечимым.

Здесь невероятно грустно и темно, но я недурно с этим справляюсь.

Есть ли у тебя серьезные планы более-менее обосноваться в Испании? И что можно будет выручить за дом в Пиньюме? Подумай-ка обо всем этом и поспрашивай, что они там просят за незатейливый домишко. Подальше от моря всё сильно дешевеет, поскольку там мало чего для туристического отдыха на западноевропейский вкус.

Наша книга действительно вышла очень красивой и благородной, и все весьма довольны репродукциями. Я с отвращением ожидаю грядущей пятницы[64], но, может быть, всё пройдет отлично. Резюмируя: пятьдесят подписей – это неизбежно.

Горячие приветы, обнимаем, Тигра и Герард.

64 8 декабря, день выпуска передачи Mies-en-scène.

Амстердам 18, 10 декабря 1967,
Дуббелмондехоф 2″

Получил твое письмо от 3 декабря.

Дорогие Бул и Памфилия,

Попробую описать события по возможности тщательно, но время от времени буду, конечно, что-то упускать. Тогда припишу где-нибудь в письме, чтобы всё-таки не пропало. Вчера нам удалось продать твоих офортов на четыре тысячи (4000 гульд.). Мне кажется, это весьма недурно. Завтра пошлю тебе немного денег, а остальное положу в банк. Всё прошло следующим образом. Сначала я забрал все твои офорты, что лежали на столе. В среду или четверг позвонила Лен Т. (ты знаешь, которая ездит на «Триумфе»[65]), чтобы спросить, «нет ли у него еще офортов на оценку, кроме тех пяти-шести», которые я ему переправил через Нико С[66]. На всякий случай я еще раз отправился к тебе домой и нашел на полу спекшуюся в некий пирог – из-за протечки – бумажную массу. Я этот пирог осторожно поднял

65 Triumph Motor Company – английская автомобилестроительная компания, основанная в 1885 году Зигфридом Беттманом и Морисом Шульте. В настоящий момент марка «Triumph» принадлежит концерну BMW, автомобили под этим брендом не производятся.

66 Nico Scheepmaker (1930–1990) – спортивный журналист, поэт и колумнист, приятель Реве.

на двух дощечках, забрал в машину – и домой, а там отшелушил один слой от другого. Среди всего этого были, к слову, уникальные, спасенные из пожара[67] и не знаю еще какие прекраснейшие работы. Тогда я разозлился ужасно. Я подумал: если я «могу поджечь эту хрень», и если эти драгоценности могут сгнить здесь (два-три дня, и было бы поздно,
96 поскольку некоторые очень влажные оттиски уже пошли красной и синей плесенью), почему же я не могу их продать? Поскандалим мы еще с тобой, потому что я ведь продаю скверные оттиски или работы, которые «ты больше не уступаешь», или которые ты «забросил» и т. д. Я тут же позвонил Тому Р. с планом: если мне удастся сделать рекламу на Теле-Еле, я на следующее утро у Томаса в конторе всю кучу за наличные продам. Мис разрешила, и из 4½ минут я 1½ потратил на то, чтобы три-четыре раза медленно повторить: «Завтра, в одиннадцать утра, в издательстве Томаса Рапа, Регулирдварсстрат 91, что над парикмахерским салоном, между Торбекеплейн и Вейзелстрат, мы распродаем работы Франса Лодевейка Паннекука, Регулирдварсстрат и т. д., и т. п.» И потом, в конце: «Теперь мы можем, наконец, знать и осознавать, кто и что такое Франс Паннекук. Нужно покончить с этим скулежом, что они, что они… за 12 гульденов за-

67 Об этом пожаре в канун дня св. Николая 1962 г. Булли ван дер Кнак подробно рассказывает в «Четырнадцати офортах».

должности отключат электричество в его доме. Я, полагаю, немного рассердился, правда, Мис?..» Теперь я, разумеется, не знаю, будет ли от этого какой-нибудь толк. Во-первых, программа из-за неполадок началась позже на 12 минут, а то и больше, в то время как по другой показывали «Бонанцу»[68]. Но утром в одиннадцать без четверти у Томаса перед дверью уже стояли люди. Я немного волновался: тебе нужно признание, а не филантропия. Если ты, благодаря моей болтовне, получишь деньги, будет, конечно, здорово, но в принципе ты с этого ничего иметь не будешь. Но пришли знатоки искусства, и они стояли, онемев, и один богатый коллекционер полчаса выбирал и сошел вниз по лестнице, провернув дело на одиннадцать сотен гульденов, которые оставил в старой супнице.

Народу по лестнице побегало немало, замок из двери выломали, и еще на первом или втором этаже вдруг кто-то подошел к некоей зрелой даме, стоявшей возле угольной печи, и спросил: «По Теле-Еле говорили, у вас офорты имеются, так вот прикупить нельзя ли» и т. д. Даже Лу Лап[69], что за углом, побывал: сделать ли для тебя то, сделать ли для тебя это, денег на пресс и материалы получше принес-

68 Bonanza – американский телесериал, вестерн, одна из наиболее успешных программ в истории американского телевидения.

69 Lou Lap – владелец магазина старых армейских вещей на Регулиерсбрезстрат в Амстердаме.

ти, распорядился, чтобы сбегали для нас за бутылкой скверного якобы-коньяку и т. д., и часа полтора еще сидел распинался, но в конце концов всего с одним офортом и одной книжкой спустился по лестнице. Книга еще пока на складе, но целый день дождем сыпались заказы («Атенеум» еще 50 – уже 800 сбагрили, «Модерне Букхандел»[70] – 25 и т. д.), так что завтра все будет распродано.

98

Полагаю, что ты теперь получил заслуженное признание. Тита[71] тоже приходила и чуть не померла от гордости и волнения. Я поначалу опасался, что будет беспорядок, и воровство, и шумиха, и постоянно стоял, всё раскладывая на столе и присматривая, и за этим делом не заметил, что распродажа удалась, пока Тита вдруг не подошла ко мне и не сказала, что уже за пару кусков перевалило. Тут я чуть было не взвыл, да и сейчас, когда пишу тебе это. Меня довольно часто спрашивают, одобрил бы ты всё это, на что я откровенно признаюсь, что нет, точно не одобрил бы, и потому мы пользуемся твоим отсутствием. Я сказал: он сидит в дурке, за матовым стеклом, и время от времени, когда у него в течение целого дня просветление, его выпускают погулять или домой. Но при нем всегда вооруженный санитар.

Твоим офортам я дал названия по собственному усмотрению и пониманию: «Фриз-

---

70 Современный книжный магазин.

71 Сестра Паннекука.

ский осенний пейзаж в лунном свете», «Пожар на море», «Бухта в долине Роны в Валансе» и т. д.: вопрос оформления. В виде пробы мы продали один из твоих Первичный Бульон-офортов, тех, что с допожарных времен[72], всего за 150 гульденов, для начала. (Они тоже лежали в твоем доме на полу в воде.) Потом мы их также выставили, но не для продажи. Однако отметили, где что лежит, для дальнейших запросов, в пользу выставок и Истории Искусств. Слава Богу, что ты сам вдруг не заявился. Вот бы шуму-то наделал! Устроим ли мы такое еще раз, не знаю. Далее еще предложение провести выставку от галереи Такой-то-Сякой-то, забыл название, на Старом Юге – довольно новая, хозяин – богатый сноб. (Лу Лап собирается предоставить тебе в распоряжение свою витрину!) Мы еще ответа не дали, немного выжидаем. Вполне возможно, что и Томас завтра что-нибудь продаст – из огромного сундука, в котором я всё это приволок.

Мать Хелми тоже была на распродаже. Твоя собственная пожилая матушка (г-жа Снук) велела подрядчику починить дырявую крышу. Что касается нас, тебе не обязательно возвращаться: кто-нибудь из всех нас – Тигра, Тита или я – можем зайти к тебе, чтобы ты подписал книги. По ошибке оттиск с «Крота дядюш-

72 Этот офорт Реве описывает как «абстрактный экспрессионизм»: «пятнистые облака, грязь, начало вселенной, в любом случае нечто, непонятно что собой представляющее».

ки Сиденбурга» чуть не продали, в суматохе-то. Чуть не забыл рассказать вот что: подслушал у одного коллекционера средних лет: «Это, скажу вам, получше, чем Херкюлес Сегерс». Чтоб ты знал.

Мы вчера вечером, после шести, снова притащили туда большой сундук с оттисками, и Тигра сейчас потихонечку это всё рассортировывает по разряду и периоду и выбрасывает откровенно скверные и пробные отпечатки. Тут много прекрасного, чего я не видал прежде, вроде раскрашенного офорта какого-то французского пейзажа. Дух захватывает. Тебе нужно побольше таких делать. У меня есть сильное подозрение, что и мой экземпляр офорта «Портрет одного пера моей утки» продан, и потому я наложил эмбарго на другой экземпляр, очень тонко отпечатанный, но с окрашенным фоном. Только что отправил телеграмму: PANNEKOEK BALDRICH 67‴ VALLS TARRAGONA ESPAÑA SALE ETCHING NETTO FOUR THOUSAND GUILDERS SENDING ONE THOUSAND BANK TARRAGONA LETTER FOLLOWS LOVE GERARD[73].

Больше и не знаю, о чем писать, кроме того, что хотел бы попросить тебя пока что – до 20-го – высылать письма и телеграммы в Амстердам. Дай как можно скорее знать, где ты пребы-

100

73 Паннекуку Балдрик 67‴ Вальс Таррагона Испания Продажа офортов нетто четыре тысячи гульденов высылаю одну тысячу банк Таррагоны письмо следует привет Герард (*исп.–англ.*).

ваешь, тогда договоримся о встрече. Сам решай, вернешься ли сначала или сразу захочешь остаться там навсегда. Тут всё такая же мерзкая, темная погода и мокрый снег с дождем. Мои планы насчет новой книги[74] постепенно становятся четче. После праздников я приступлю к ней с новыми силами. Томас Рап выпустил роскошную книгу «Нидерландские коктейли и лонгдринки»[75], для чего ему пришлось отслюнить виноторговцам что-то около двадцати кусков на рекламу (их эмблемы на чистых страницах). Этот парень контролирует, как шарик-то вертится. Мы собираемся выпустить открытку «Реве»[76], она должна получиться очень красивой, сентиментальной и приятной.

Ну, горячие приветы и пожелания здоровья от Тигры и

Герарда.

P. S. Мы тут непрерывно ломаем голову, может быть, было бы лучше тебе сюда приехать. Потому что я до тебя смогу доехать только в се-

74 Возможно, здесь имеется в виду так и не появившаяся книга «Марс в Скорпионе», о которой Реве регулярно упоминает в 1968 г. и фрагмент из которой – «Шестой год» – был напечатан в «Тираде» в марте 1969 г. и в «Архиве Реве, 1961–1980» (русский перевод в сборнике «Тихий друг», 2010). Этот фрагмент задумывался как первая глава книги (согласно «Письмам к Йозин М.»). Следующая крупная книга Реве вышла только в 1972 г.: «Язык любви».

75 Jouke D. T., Eekma, Nederland, «Coctail & Longdrink Book», Amsterdam 1967.

76 См. прим. 4.

редине января, а рассылать книжки по почте всё же весьма рискованно.

Греонтерп, 13 декабря 1967

Дорогой Бул,

Возможно, это ты звонил в дверь сегодня утром, между десятью и одиннадцатью. Я лежал в постели и едва мог подняться. К этому времени я уже в значительной степени поправился. Вскоре за мной заедут, выступать в одной школе для девочек[77]. (Жаль, что ты не можешь со мной.) Завтра утром я уезжаю из Стенвейкерволда в Амстердам. Там пробуду до утра или полудня субботы, или до вечера. Не мог бы ты вернуть нам одеяла до выходных? Приезжают несколько человек с ночевкой. В пятницу справляю свой день рождения в Осдорпе[78]. Томас Рап звонил насчет двух вещей: приедешь ли ты подписывать книги, потому что они тут, и второе: может ли он дать положительный ответ на предложение о большой выставке 11 января, в Галерее – невесть-какой, совершенно новой и современной[79].

77 Католический интернат для девочек в Стенвейкерволде («Письма к Йозин М.»).

78 В указанном году день рождения Реве – 14 декабря – выпал на четверг.

79 Выставка проходила в галерее Pribaut на Вибаутстрат с 11 января по 6 февраля 1968 г. Владелица га-

Я сказал, что в обход тебя решение принимать трудно, покуда ты в Нидерландах. Может, позвонишь ты ему? Если это шикарный дом, и если они не ставят разбойничьих условий, то, мне кажется, надо тебе соглашаться. И картины твои, если не продаешь, нужно там вывесить. И если ты сам заблаговременно поедешь за границу, до открытия выставки, не будет никаких ссор ни с богачами, ни с критиками, ни с Посредственными Теле-Еле пиздоболами. И сразу бабла у тебя будет неслабо. (См. с. 150 в «Десяти веселых историях».[80])

Теперь принимаюсь за письмо сестричкам М. из Г. Да утешит, обогреет, просветит и указует нам путь Дух Господень, который выше всякого понимания. Ночная Месса Ламберта Симона сегодня в два часа в церкви Моисея и Аарона, Ватерлоплейн. Вы придете? Потом позавтракаем на Мюзензолдер[81].

Горячие приветы от вашего
Герарда.

лереи – Дебора (Дебби) Вольф (Deborah Wolff). Паннекук на открытии выставки не присутствовал.

80 См. прим. 5.

81 Имеется в виду оборудованное отцом Ламбертом Симоном помещение для встреч на чердаке монастыря Дочерей Иосифа и Марии на Рюстенбургерстрат. Название – Муза-На-Чердаке – было выбрано по аналогии с Господом-На-Чердаке, в прошлом – тайной церкви, в которой Ламберт Симон обычно служил мессу (Рождественскую, ввиду большого стечения публики, приходилось служить в более просторной церкви).

1968

104 *Греонтерп, 7 января 1968*

Дорогие Бул и Памфилия,

Прилагаю найденное в твоем доме письмо для тебя, которое я не вскрывал. На просвет в нем есть марка: она там тебе без надобности, но я всё-таки не осмелился ее вытащить.

Я еще ни слова не написал для открытия выставки 11 января. Думаю, что скажу что-нибудь о романтической профессии художника, а закончу чем-то вроде: «Да здравствует капитализм!»

Между делом мы занимаемся планами по обмену жилья и надеемся, что из этого что-то получится. Наши антиподы – семья из трех человек – занимают верхний этаж на Плантаже Керклан, наискосок от Артиса[82]. (Но ты ведь, сдается мне, при самом начале обмена участвовал, ибо припоминаю, что ты говорил, что нигде тебе так приятно не жилось, как на Плантаже Керклан – теперь это аллея Генри Полака[83].)

82 Амстердамского зоопарка.

83 Henry Polak (1868–1943) – нидерландский политик-социалист еврейского происхождения, профсоюзный

Их домовладелец уже согласен, и, кроме того, они 8 лет как члены Всеобщего Объединения Жилищного Строительства, являющегося собственником нашего нынешнего жилья. Таким образом все шансы на то, что всё получится. В Осдорпе мне чем дальше, тем хуже, социалистическая бетонная коробка для самоубийц.

Тита приложила невероятные усилия, собирая там и сям твои работы и отыскивая их. По ее мнению, Д. не есть пример энергии и эффективности. Приглашения вчера достигли адресатов, хотя и достаточно поздно. (По словам Титы, еще что-то было продано в частном порядке. Мне кажется, это хороший знак.)

Фрисландию укрыло толстое белое одеяло Короля Тиалфа[84]. Нашим пернатым друзьям, а также мелким четвероногим вроде Длинноухого Лампе[85] приходится довольно туго. Де Билт[86] уже третий день предсказывает юго-восточный ветер и оттепель, но ничего подобного, а по-моему так зима наступает.

деятель, научный писатель, президент нидерландского профсоюза работников алмазной промышленности (1894–1940), основатель (1894) Нидерландской социал-демократической рабочей партии. Реве путает: аллеей Генри Полака называлась прежде Plantage Franschelaan, расположенная в том же районе.

84 Thialf – один из слуг скандинавского бога Тора.

85 В немецкой традиции средневекового сатирического эпоса о Рейнеке-лисе так зовут зайца (в нидерландской традиции – Reynaert Cuwaert).

86 De Bilt – город в провинции Утрехт. Является резиденцией штаб-квартиры компании Нидерландского Королевского метеорологического института.

Здоровье наше оставляет желать лучшего. У нас обоих – у Тигры и у меня – повышенная температура (±37), и нас замучили прыщи и язвы, которые несносно зудят. Согласно Клинике кожных заболеваний, в которой пока что побывал только Виллем, это может быть аллергическое. Но вот теперь конец моей Секретной Штуковины весь покрылся язвами, и это уж никак не хорошо, хотя раздражение, которое они вызывают при «резком ракетировании», можно назвать восхитительным. («Pour un plaisir»[87] и т. д.) Предъявлю-ка я сперва свой карабин искуснику-врачу Гротхёйзе. Может, просто дуло засорилось, хаха, и т. д. Вечно что-нибудь этакое.

Еще полдюжины лекций в этом месяце, а у меня к этому нет ни малейшей охоты. Ломаю голову над способами получения не облагаемых налогами доходов, но решения не нахожу.

Полак и Ван Геннеп, возможно, будут издавать сборник моих писем, Полак – глубокомысленные и высоконравственные, Рап – распутные и скотские, в мнимой конкуренции, а на самом деле это заранее обдумано[88]. Ну, пожалуй, всё. Прилежно ли ты работаешь?

Горячие приветы от Тигры и
Герарда.

---

87 Реве намекает на французскую поговорку: «За счастья миг – мильон страданий».

88 В этой форме план осуществлен не был. Единственные письма Реве, которые издал Томас Рап, это «Письма к А., кандидату в католики» (1976). У Полака и Ван Хеннепа в «Атенеуме» были изданы письма к Кармигелту в «Языке любви» (1972) и «Милая жизнь» (1974).

На всякий случай я это незапечатанное письмо прихватил в Амстердам, где сейчас обнаружил твое, от 4 января.

Твое несчастье в том, что тебя в особенности привлекает «живущий полной жизнью» человек. Жить полной жизнью и при этом работать (то есть что-то производить), на мой взгляд, две вещи несовместные. Тот, кто хочет что-то осуществить, должен, по крайней мере с виду, жить, как осмотрительный обыватель. Думаю, что ты знаешь это не хуже меня. Но большого смысла в такой мудрости для тебя нет, поскольку ты не можешь оставить друга в беде. (Я иногда, исключительно благодаря мужеству, которое, возможно, проистекает из великой трусости, имею жесткость обрубить прошлое. Выросший в бедности, я, прежде всего, развил в себе инстинкт, заставляющий меня избегать всех этих недооцененных, неплательщиков, уличных демонстрантов и «креативных» бородачей: нищета плодит только нищету, поверь мне. А вот появляются у них деньги, и куда эти деньги уходят? В карман продавцу бухла! А что, скажешь, нет?)

Здесь, в стеклянном гробу Осдорпа, меня уже через 1½ часа начинает трясти и колотить нервная дрожь. Хоть бы удался этот жилищный обмен. Что касается цен на твои работы, мне это представляется трудным решением. Галерея предпочитает продавать по 250, неже-

ли по 150 гульденов, но могут ли они и такую сумму выручить? Ответ будет известен только через пару дней. Мне сумма в 250 гульд. кажется рискованной, хотя это разумно для офортов сухой иглой тиражом всего в шесть–восемь экземпляров. Со 150 ты тоже не слишком-то поднимешься над ценами продажи в конторе Рапа. Приготовься к умеренной распро-
108 даже. В любом случае финансово ты ничем не рискуешь.

Как только вернешься, надо тебе с твоей башкой в больницу. Гротхёйзе мне сказал недавно, что твое отношение к этому делу в высшей степени безответственное. Он предвещает, что в противном случае ты через несколько лет заработаешь ревматизм. (Так же, кстати, протекала болезнь у моей старухи Матери.) Послушайся же хорошего совета.

Твой обеспокоенный
Герард.

Амстердам, 12 января 1968

Дорогие Франс и Памфилия,

Открытие выставки, вчерашнее, во многих отношениях оказалось большим успехом[89]. Похоже, никогда до этого не являлось в гале-

89 См. прим. 6.

рею столько народу. Продано еще очень мало (на 1500 гульд.), но определенно будет больше. Мои подозрения о причинах такого слабого сбыта я тебе изложу позднее или ниже, в этом же письме. Я доволен, только ужасно устал. Пришлось сегодня в 8 утра, в непогоду, ехать из Греонтерпа в Снек, чтобы там читать и распинаться добрых часа три перед классом некоей христианской школы. Потом снова сквозь буран в Греонтерп, и попытаться состряпать какую-нибудь бодягу для открытия. Потом – в Амстердам, помочь галерее состыковать имена и цены, а после открытия – обычные вопли и бессмысленный треп. Йохан Б. В. Полак и наш доктор Гротхёйзе кое-что купили. Мою речь записали на радио и Теле-Еле и, возможно, передадут сегодня. Не всё получили, что хотели, но гласность неслыханно огромная.

Мы пока что не разделались с жилищным обменом, хотя он вполне удачен (оба домовладельца согласны), но всё еще сражаемся с бюрократией (как со стороны жилстройкооператива, так и со стороны властей). Никаких подводных камней уже не будет, но я успокоюсь только тогда, когда всё закончится. Сразу запиши адрес: Плантаже Керклан 43′′′, Восточный Амстердам. Возможно, мы всё оставим в том же мещанском состоянии – весьма ухоженном и хорошо поддерживаемом, кстати – в котором получим. В любом случае это не стеклянный-гроб-а-ля-Приличная-Квартира,

но настоящее человеческое жилье с легким запахом обоев и знакомым спертым воздухом. Здесь, в Осдорпе, соседка Типел уже с утра начинает мне полоскать мозги насчет пролитого мною на лестнице керосина, чтобы на мою примирительную хренотень заметить, что я «уже довольно сильно поседел». Да, тут не разгуляешься.

110 Между тем мы оба – подозреваю, что от одного полудебильного секс-раба из Т. нескольмесячной давности – подцепили чесотку, которая после нескольких неправильных диагнозов («нервная экзема», «контактная экзема» и т. д.) была, наконец, диагностирована и излечена неким своевольным коассистентом проф. П. Даже набалдашник моей Трости был покрыт коростой, которую я, разумеется, продемонстрировал Дебби и всяческим другим в галерее.

Скоро мне нужно будет поездом в Эйндховен, чтобы вечером в какой-то гостинице читать для местного отделения профсоюза гомофилов COC[90].

Зима по-прежнему в самом разгаре. Надеюсь, что в ближайшие десять дней мы не под-

---

90 COC Nederland – нидерландская ЛГБТ-организация. Аббревиатура «COC» первоначально расшифровывалась как «Cultuur en Ontspannings-Centrum» («Центр культуры и отдыха») и была задумана как нейтрально звучащее прикрытие для реально работавшей организации геев и лесбиянок. Основанная в 1946 году, она является старейшей гей-организацией в мире.

хватим А-грипп – он довольно сильно сейчас разгуливает, хотя пока что не перешел в эпидемию.

Я хотел еще упомянуть о двух вещах: хранишь ли ты мои письма за последние пару лет, и где они? Не будешь ли возражать против публикации? Всё это – жуткое тщеславие, но Рап с Полаком хотят каждый по книге писем издать. Продай мои письма Йохану Б. В. П. (±*** гульден за штуку) и оставь себе фотокопии. (Такая продажа не включает в себя авторского права, которое всегда остается при мне.)

Второе: нехорошо с твоей стороны желать оставить себе свои наилучшие работы. Это свидетельствует о недостаточном почтении к твоей Возлюбленной Публике. (Подобная ретенция[91], мне кажется, связана с твоими трудностями при регулярном испечении Лепешки. Ты не хочешь с ней расстаться, так сказать, и страдаешь от *артистической* жадности, которая маскируется твоей ежедневной щедростью. Вот тебе.)

Да возлюбим и примем мы Жребий наш, который есть Бог. Бог есть Свет, и Бог есть Любовь, но одно создание не может в себе этого заключать. Не будешь ли ты так добр зажечь свечу и преклонить колени перед Нею, которая, благодаря своему Заступничеству и Любови служащей, есть Свет мира и упование людское? Она ведь Мать наша, рожденная не-

91 Ретенция (*лат.*) – задержка, удерживание или сохранение чего-либо.

запятнанно и безгрешно, и, вознесенная в небеса Телом и Духом, есть возвещение о нашем возвышении до божественности. Вещи эти, будучи правильными и достоверными, остаются невысказанными истинами сердца, которое выше всякого понимания. Обходись с Памфилией по-человечески, ибо она создана по подобию Ее.

112 Ну, прекращаю, нужно успеть на поезд. Наше существование – никогда не прекращающаяся попытка и т. д.

Обнимаю, твой несгибаемый собрат по искусству

Герард Реве.

Амстердам, 21 января 1968

Дорогие Франс и Хелми и Собачка Лизе,

Сегодня мы впервые с прошлой среды побывали в Греонтерпе, забрать почту, и нашли твои прекрасные цветные гравюры. Я остолбенел. О чем еще может переживать человек, умеющий делать такие вещи? Король Невротик! Попытаюсь сделать для тебя из этого Деньги. Сначала, для так называемой таксации, завезу их Робу П. (брату Йохана Б. В.), – он знаток и коллекционер. (Который у Томаса Рапа провернул дельце на 1100 гульденов в твою пользу. Он тогда еще сказал: «Ни в коем случае не про-

давайте ничего меньше чем за 100 гульденов, это глупо…»)

Я эти раскрашенные офорты для начала хочу предлагать сравнительно дешево, чтобы вывести на рынок жанр, то есть, например, 250, 275 или 300 гульденов за штуку за мало-мальски обстоятельно раскрашенные. Всю партию оптом, разумеется, со скидкой. Можно ли мне будет действовать на основании результата изысканий? Общественный резонанс по поводу твоей выставки неслыханный, но продажа вялая. (Где-то между 1500 и 2000 гульденов.) Но ты всё же не беспокойся.

Мы переехали[92]. Неслыханное ощущение счастья охватывает нас. Вчера я приобрел абонемент в Зоологический сад. Переезжающие о каждой картинке спрашивали, «не Паннекук» ли это. Видишь, люди о тебе слыхали. Тут всё еще грандиозный кавардак, но в доме уже очень уютно. Здесь и днем и ночью царит почти совершенная тишина. Мы оба полумертвые от нервотрепки из-за устройства этого переезда, и уговоров, и улещания властей предержащих. Если я сдамся и опущу руки, Тигра будет стоять до конца и вытащит меня из тупика.

Пиши на вышеуказанный адрес. Я скоро еще напишу, но сейчас правда просто не могу.

С горячей любовью от Тигры и
Герарда.

---

92 На Плантаже Керклан 43‴ в Амстердаме, напротив Артиса.

Амстердам, 24 января 1968

Дорогие Франс и Памфилия,

Позавчера был с цветными офортами у Роберта Р. Сами офорты, полагаю, его впечатлили,
114 но раскраска не особо понравилась. «Таким образом, слишком много для картинки». Вот видишь: от искусства никакой радости. Однако он заказал en passant[93] твою испанскую летучую мышь. На следующий день я отыскал для него самый четкий оттиск этой мыши, когда отвозил Дебби новые офорты. Она была весьма под впечатлением. Я стоял рядом, пока этот милый, чувственный, длинноволосый Мальчик Роберт вырезал паспарту, и наблюдал, как он, поднявшись на цыпочки так, что натянулись его легкие, черные хлопчатобумажные брючки, развешивал на стене картинки. Я с ходу продал самые красивые. Мог бы их, конечно, заранее припрятать, но это было бы нехорошо по отношению к Дебби. Мы назначили цены в 250, 225 и 215 гульденов. Поскольку я получил 150 гульденов за свое выступление на открытии плюс 25% государственной субсидии, я обозначил свою цену в 200 гульденов, ведь «для друзей можно и скинуть», разве не так?

93 Мимоходом (*фр.*).

Вот как раз разразилась реклама, в основном исключительно благосклонная[94]. И что самое важное: ты, а не я прежде всего, полностью в центре внимания; я хочу сказать, что твоя работа как таковая, и вне всякой связи со мной, подвергается рассмотрению, открытию и признанию. Знаешь, как нужно нам поступить, чтобы разорвать пелену Королевского музея? Тебе нужно делать цветные офорты всяческих, предположим, Зверей, скажем, Херти или Йодейонга, и потом дырочки на месте глаз, с тонкой зеленой бумагой в качестве фона. Хорошие широкие офорты, чтобы их можно было скатать в цилиндр, как абажур настольной лампы. Тебе бы надо подумать над этим, но ты должен использовать в высшей степени ровную, без размывов, пергаментную бумагу, которая после покрытия лаком повсюду будет ровно пропускать свет.

Пиши мне на Плантаже Керклан 43′′′, Амстердам, ибо первые недели я в основном буду там. Мы здесь чертовски счастливы. По сравнению с Эрсте Розендварсстрат мы сделали огромный шаг вперед: больше, солнечнее и абсолютно без шума, да и округа кое-чего стоит. Сегодня бродил по Зоологическому саду и по-

94 Реве здесь, кроме всего прочего, намекает на обсуждение Андреасом Бурнье («Почтальон неправдоподобной красоты») «Четырнадцати офортов» в «Алгемен Ханделсблад» от 20 января 1968 г. и статьи «Франс Лодевейк Паннекук, брошенный в рабочих Герардом К. ван хет Реве» Макса Фейко Ренемана в «Де Ньиве Линие», также 20 января 1968 г.

хотливо подсматривал за молоденькими Служителями в птичнике.

У Тигры и у меня всё еще чесотка, которую, как я, полагаю, уже писал тебе, весьма поздно диагностировали, и она проходит с большим трудом. Мы – в основном, по вечерам, в тепле, – чуть ли не с ума сходим от зуда. К тому же у меня на конце моей Ветви еще нечто вроде mille
116 feuilles[95], скажем, чешуйчатость или ихтизофилия, так что я спросил у Гротхёйзе, не суждено ли ей отцвести навеки, но это, по его словам, всего лишь «нервная экзема». Спустя 1½ часа сидения в конторе больничной кассы мы по ошибке приписали меня к очень отдаленной аптеке, так что завтра я опять смогу проторчать половину утра среди Золотых Рабочих. (Ты знаешь, что мне целый месяц пришлось обхаживать всяческих трупных мух в окошечках, и всё для этого жилищного обмена.)

Твои картины (пирс с маяком, скала в море и т. д.) смотрятся на стене очень хорошо.

А сейчас я совсем квелый, уж очень устал, чтобы еще что-то написать.

Горячие приветы от Тигры и
Герарда.

95 Зд.: слоеный торт (*фр.*).

Греонтерп, 7 февраля 1968

Дорогие Бул и Памфилия,

Утром я восстал довольно рано, но не достаточно рано для того, чтобы вручить это письмо почтмейстеру из Аудега В.

Вчера совершенно ничего не употреблял, и тянет меня, что удивительно, всё меньше и меньше. Поистине хорошо, что я победил Мир в лице Короля Алкоголя, милостью Божией, не иначе, ибо само по себе такое не случается.

В минувшее воскресенье король поэтов Герард ден Брабандер – см. «Письмо, размытое слезами», в «Ближе к Тебе», с. 233[96] и далее – в больнице или клинике, согласно сообщению в газете, в Бинненгастхаусе[97], – а я-то думал, что он в Павильоне III[98] сидел – из-за падения с лестницы (он и ходил, и видел плохо) – избавился от печалей юдоли земной[99]. Надо бы поточнее узнать о похоронах – пока что назначено на ближайшую пятницу, днем – потому

96 По русскому изданию.

97 Het Binnengasthuis (BG) – в те времена госпиталь в центре Амстердама.

98 В этом павильоне, расположенном рядом с павильоном Принцессы Ирены, лечили последних туберкулезных больных санатория Сонневанк.

99 Gerard den Brabander (1900–1968), псевдоним Jan Gerardus Jofriet – поэт, график, переводчик – умер 4 февраля 1968 г.

что я должен там быть. Всё это очень опечалило меня и обострило мои чувства.

Я прочел Гомбровича, «Фердидурке» или как там его еще[100]. Сильный стиль и напряжение, однако далеко не всё реализовано. Но та часть, которая о «братании» с Валеком – бессмертно прекрасна, и написана до дрожи точно.

118 Ну, а теперь снова о тебе, ибо мы с тобой оба великие художники. Завтра-послезавтра Дебби пришлет мне счет, и я сразу же сообщу тебе, какое нетто на нем осталось. Уже закинули удочку на мужика, который почти что купил твою картину, но он пока что не клюнул. Тита взвалила на себя обязанность вернуть взятые взаймы работы. Она себя просто уходила насмерть. (Я и сам ужасно измотан, прежде всего из-за прессы и Теле-Еле. К тому же позавчера получил телеграмму, а именно: «ГАЗЕТА ДЕ ТЕЙД СООБЩАЕТ РЕВЕ И ПАННЕКУК ОДНО И ТО ЖЕ ЛИЦО ПРАВДА ЛИ ЭТО ТЧК ПРОСЬБА ОТВЕТИТЬ ОБРАТНОЙ ПОЧТОЙ БУР АЛГЕМЕН ХАНДЕЛСБЛАД АМСТЕРДАМ», на что я телеграфировал: «БУР ХАНДЕЛСБЛАД АМСТЕРДАМ Я ЭТО Я И БУДУ ТЕМ КЕМ БУДУ КРЕСТЬЯНИН СТАНЬ ЧЕЛОВЕКОМ КАК Я КОТОРЫЙ ЕСТЬ СУЩЕСТВО ОДНАКО ЕДИНОЕ В ТРЕХ ЛИЦАХ [подпись] ОТЕЦ В[101]. И. ИЗ НАЗАРЕТА СВ. ДУХ»

---

100 «Ferdydurke» (1937) – роман польского писателя Витольда Гомбровича (Witold Gombrowicz, 1904–1969).

101 Отец Вседержитель.

Нужно неутомимо прогрессировать, сеять смятение в лагере противника.)[102]

Я преисполнен планов. Хочу участок перед гаражом преобразить в приподнятый садик-террасу, окружив его низкой стеной (±40 см), а сам гараж сделать доступным из дома и оборудовать под *мастерскую*. Чердак можно без труда увеличить в высоту, и там имеется хорошо функционирующее печное устье. Обе большие двери в сарае нужно будет заменить на большие же окна из проволочного стекла над бетонным подоконником высотой в ±40 см. (Если у тебя на примере есть дешевый гравировальный станок, порекомендуй.)

Я очень и очень рад, что ты собираешься прооперировать лобные пазухи. Ревматизм, который может развиться из запущенного синусита, в зрелом возрасте часто задевает сердечные клапаны. Ты, конечно, можешь сказать: всё равно помрем, но разница всё же есть. Ты думаешь, что Господь возьмет в один прекрасный день да и вырвет тебя с корнем, но Господь знает лучше, чем ты или я, и усадит он тебя, полуослепшего и наполовину парализованного, на 19 лет в кресло-каталку, а Памфилия будет тебя в ней возить. Если можно не допустить этого, надо действовать. Без милости Божией мы будем потеряны навсегда, но сам ты еще «кучу всего» можешь сделать в отношении некоторых вещей.

---

102 См. прим. 7.

Про обхождение с людьми я тебе еще напишу потом. (Мучительная необходимость порывать с прошлым.) Вот сейчас придет почтальон, и я передам ему это письмо.

Горячие приветы от вашего

Герарда.

Амстердам, 9 февраля 1968

Дорогой Франс,

Пишу тебе в безумной спешке и страшно устал. (Спасибо за письмо об Элзе Ботенбауэр – оно напечатано в П. К., как я уже слыхал.)[103]

С Хансом Келлером с Католического Радио, со всеми условиями, я уговорился для 40-минутной Теле-Еле-программы о тебе следующим образом: твой гонорар – 375 гульд., покрытие транспортных расходов как минимум 1250, двенадцать с полтиной сотен шайбочек. (Если приедете на своей машине.) Он парень известный, в свое время сделал обо мне прекрасную передачу[104]. Всё будет снято у тебя

---

103 В *Propria Cures* от 10 февраля под заголовком «Письмо из Испании» было напечатано письмо Паннекука по поводу предположения Элзы Ботенбауэр о его несуществовании. Письмо приводится в книге «Краткая ревиана».

104 Эта передача о Паннекуке осуществлена не была. Ханс Келлер несколькими годами раньше поставил

в Пиньюме за ½ дня. Тебе нужно быть в Нидерландах примерно 16 февраля. (Съемки, например, 24–25 февраля.) Сообщи незамедлительно, согласен ли ты в принципе. Я же со своей стороны очень и очень тебе советую. Ты должен там фигурировать на сей раз лично, и ты это можешь прекрасно. Думай о Башлях. Ну, теперь опускаю его в трампочту[105].

Приветы, и Памфилии тоже, от вашего Герарда.

P. S. Герарда ден Брабандера упрятали под землю столь глубоко, что меня берут сомнения, выберется ли он оттуда когда-нибудь[106].

Греонтерп, 18 февраля 1968

Дорогие Франс и Памфилия,

Жизнь – ни что иное, как крестный путь. Близкий к тотальному коллапсу, я вчера схоронился в деревне, где надеюсь продержаться безвыездно недели четыре. Еще надо вам сообщить, что я влюблен в двух Мальчиков одновременно – пусть даже в одного немного

передачу о Реве в серии «Литературные встречи», показанную 11 декабря 1963 г. по AVRO.

105 Т. е. в почтовый ящик на трамвайном вагоне.

106 Герарда ден Брабандера похоронили 9 февраля. Слова Реве по этому случаю он приводит в постскриптуме к письму Паннекуку от 18 февраля.

больше, чем в другого – так что вы поймете, что для меня вновь настали времена чрезвычайных испытаний. Итоги выставки – полторы красненьких[107] нетто – для тебя, думаю, недурно. Расчет я проверил и нашел верным. Если он тебе нужен и без него ты на себя руки наложишь, я могу его прислать, но какой в этом прок, не вижу, только бед наделает
122 кучу. Разумеется, пара вещиц была продана на 25 гульденов меньше назначенной цены, или оплачена под фальшивым именем, или же был продан скверный оттиск вместо качественного и т. д. Не тревожься, я тоже никогда не тревожусь. Я сейчас сражаюсь на четырех фронтах: на фронте Эроса, религии, Искусства и Политики[108]. У тебя же лишь один фронт, насколько мне известно, и это – Искусство. Тебе нужно осуществить только две вещи: работать как можно лучше и заботиться о поступлении Денег. А больше совершенно ничего. Прием представителей современных средств массовой информации косвенно связан с добыванием Денег. Делать офорты и писать картины – этому выучиться не может никто: это благодать, в точности как и Вера,

107 Полторы тысячи гульденов.

108 Согласно пассажу из письма к поэтессе и психиатру М. Васалис (1909–1998) от 23 февраля 1968: «…я влюблен сразу в двух мальчиков (безнадежно), начинаю неизбежную и неотвратимую ссору с Франсом Л. Паннекуком и нахожусь на ножах с двумя юными хамами на почве политики» («Архив Реве 1961–1980»).

и как Любовь. Но принимать nitwits[109] от прессы, радио или Теле-Еле, этому-то уж научиться можно, и научиться тебе до́лжно, это как водить машину или вытирать использованное Очко, или есть при помощи ножа и вилки, или завязывать галстук. И далее: загребать все деньги, которые ни к чему не обязывают. Между тем тебе надо бы приискать кого-нибудь, кто будет брать твои работы на комиссию и сбывать любителям, причем у него должен быть недурной заработок: просто кто-то, для кого это – работа, торговля, на чисто деловой основе. И еще нужно разузнать в министерстве о каких-нибудь стипендиях, благодаря которым ты мог бы основательно растянуть свое пребывание за границей. Ну конечно, почти все стипендии и дотации уходят к никчемным «phonies»[110], но жаловаться можно начинать только тогда, когда в таком пособии тебе отказали, а это мы еще посмотрим. Потом тебе надо бы посоветоваться с Дядюшкой Хейном С., который здорово сечет в этих материях. То, что жизнь – это бесконечный кошмар, мы все уже знаем, но зачем же делать ее еще трудней, чем она есть.

Твой самый красивый цветной офорт висит у нас на стене в Амстердаме в изящном паспарту с тонкой белой рамочкой. От него исходит глубокое умиротворение.

---

109 Олухов, придурков (*англ.*).

110 Phon(e)y – пустозвон, жулик (*англ.*).

Мне теперь нужно начинать новую книгу «Марс в Скорпионе», или же она никогда не будет написана. Чтобы не забыть: из второго, еще не выпущенного издания «Четырнадцати офортов» уже заказано 500 экземпляров. То есть опять много Денег для тебя будет. Еще я ответил ребятам из Союза рабочих-радиолюбителей (VARA) на их просьбу, что они

могут выставить твои офорты у себя в студии, но должны за это гарантировать тебе 500 гульденов чистыми. Да, это было бы хорошо. (Это сделает тебе рекламу, но только среди интеллектуалов, которые наверняка знают, что Бога нет, и пишут его поэтому со строчной буквы, да и никогда у тебя ни гравюрки не купят.)

Молодой рыжий соседский кот располагается тут лагерем почти постоянно, так что придется нам взять его к себе. Это в высшей степени любезный Зверь. Три кота – это, конечно, чересчур, но я, в конце концов, неплохо зарабатываю. Садовую стену мороз не повредил, как это некоторые предсказывали. Я уже с нетерпением оглядываю сад, в котором все розы, посаженные нами, выжили и теперь дают побеги.

Большая керосиновая бочка, стоявшая в Осдорпе в боксе на нижнем этаже, теперь здесь. Я собираюсь ее наполнить – в качестве резерва. Для двух газовых ламп я надеюсь, наконец, приобрести у Врома и Дресмана[111] подходящие стекла и калильные сетки.

---

111 Vroom & Dreesmann (V&D) – нидерландская сеть универсальных магазинов.

Моя книга определенно доставит трудности: для меня – написать ее, а для обитателей нашей уютной болотистой дельты – ее понять.

Вот что еще хотел сказать тебе: писательницы статей Элзы Ботенбауэр вообще не существует! Так что незачем тебе волноваться. Хотя, разумеется, это бред собачий, что кто-то, кого не существует, может написать о ком-то, кто действительно существует, что того не существует. (Здесь надо нам склонить голову и признать, что Бог существует.) Тут, вообще говоря, такое дело: Теун де Винтер (который вылетел из армии, потому что наизусть знал «Вечера» и изложил армейскому психиатру свои опасения насчет того, что не сможет в армии мыть волосы каждый день, как полагается) зашел ко мне и спросил: «Мы хотели бы что-нибудь написать о вас, но что?». На что я предложил: «Напиши уже, наконец, что-нибудь *против* меня: что я – позер, что я шарлатан, что основную часть своих книг я спер из-за границы и т. д. и т. п.». Я не предполагал, что шутка примет такой чрезмерный оборот. Рецензент из «Де Тейд»[112] сказал мне: «Г-н Реве, я считаю, что это великолепная и уникальная, прекрасная работа, как я и написал в газете, и это мнение совершенно не изменилось теперь, когда я знаю, что это работа ваша».

Я с нетерпением жду весны и лета, когда мы вновь сможем посидеть за заборчиком под газо-

112 Frans Duister, в обсуждении выставки в «Де Тейд» от 12 января 1968 г.

вой лампой и поддавать, и болтать, и пробовать пробудить всё, как оно было когда-то. Сердце мое ноет: один мальчик – студент-первокурсник арабского, 18 лет, звать его незатейливо: Гер(р)ит де В.; второй – 28½ лет, студент, изучает психологию, в Н., зовут его тоже Герард, и я воображаю, что и с ним у меня может что-то получиться. Он не ходит к психиатру, не делает
126 проблемы из греческих принципов, поет грегорианские хоралы и является практикующим католиком без всяческих судорог или фанатизма: короче, отдохновение в эти суетные времена. Один священник, тоже отчаянно и безнадежно влюбленный в него, после лекции, которую я читал в Брабанте, уложил его у меня спать. (Кто в жизни Господом ведом, тот на песке не строит дом.[113]) Наконец-то: обычный, сердечный, приятный священник и не напыщенный мальчишка. Возможно, он отчаянно любит меня и подружится со мною. Но Тигра должен будет это одобрить, иначе не благородно.

18-летний еще вскользь заметил о некоей группке людей: «…и всё это старичье, лет, не знаю, по тридцать, а кому и тридцать пять…» В субботу тебе тоже стукнет тридцать. Старый мусор сначала нужно выкинуть, думается мне.

Общение с людьми не простое. Я уже отделался от самых неприятных, и нас с тобой всегда будут подстерегать люди, которых, возможно, и не хочется активно втоптать в землю, но всё же с радостью понаблюдать, как их за-

113 Ср. Мф. 7: 24–26.

сосет собственное болото, в котором они сейчас утопают – стеная о помощи и кусая любую протянутую руку. Они правы, говоря, что всё бессмысленно, но в таком случае это справедливо и в отношении их собственного пиздежа. Жизнь наша сама по себе не имеет смысла: только тогда она обретает смысл, когда мы признаем присутствие в ней Бога. Мы «все только Бог», если выражаться несколько парадоксально. Всё на свете, и мы тоже, есть откровение Господне, и нас надлежит рассматривать как символ, если ты понимаешь, что я имею в виду. Наша жизнь – всего лишь сон, или тень, и единственный смысл ее в том, что этот сон, или тень – от Бога… Только осознав это, может человек жить здоровой жизнью. Религия это осознание истолковывает, благодаря чему получает терапевтическую силу. Я бы хотел как можно больше народу приобщить к Римско-Католической вере – вере весьма неряшливой, развратной и великолепной, ни начала, ни конца не имеющей, неизмеримой, артистичной и непостижимой. Ходи же насколько возможно чаще к Мессе, это облегчит твои головные боли. А мне нужно, наконец, снова написать письмо сестричкам М. из Г.

Рисуй и гравируй красивые вещи: раскрашенных Бескрылых птиц, Кошек, Белок и Медвежат, но не мерзких и гадких тварей вроде марабу, ос, насекомых или чернильных орешков. Рабочим массам от этого ни толку, ни проку. Теперь прекращаю и отправляю письмо.

Горячие приветы от твоего собрата по цеху Герарда.

P. S. Зажги свечу в какой-нибудь церкви, хотя бы маленькую и ничтожную, во имя Преславной и Благословенной Девы, Той, что всё знает и всё понимает; Той, что есть Матерь Божия и всех нас.

Не помню, писал ли я тебе или нет, но вот слова, которые я произнес на кладбище: «Вспоминаю высказывание Герарда ден Брабандера всего несколько лет назад, во время мрачноватого обмена мыслями о Жизни, Смерти и Вечности. «Если у них там нет кабаков, меня это ни капли не интересует», – так звучало тогда его заключение. Есть ли там кабаки, нет ли, никому не известно. Но если есть хоть капля интереса и если Бог – это любовь, то и кабаки там есть. Аминь». Фальшивая это патетика или истинная, до тех пор, пока это патетика. Чувство в крайнем случае такое же фальшивое, что пена на воде – до тех пор, пока это чувство. Вот так я об этом думаю.

Греонтерп, 28 февраля 1968

Дорогие Франс и Хелми,

Сначала несколько фактов, о которых, если не скажу сейчас, могу потом позабыть. Твое заказное письмо Виллем забрал, и там, по его

словам, опять великолепная работа. (Я только завтра возвращаюсь в Амстердам, поэтому еще не видел ее.) Далее: позавчера был здесь Хенк ван Э., так что мы, наконец, могли возблагодарить Господа за наивеселейший день. Неизвестно, что на него нашло, но он возжелал послать тебе телеграфом двести гульденов, в каковом намерении я, пока он не передумал, всячески его поощрял, и в итоге мы отправились в почтовую контору в Болсвард. Мне показалось, что 212,26 гульд. будет лучше, да и достовернее, нежели 200 гульд.: «Такая круглая сумма указывает на контрабанду или преступление, – пояснил я ему. – А вот сумма в двести двенадцать гульденов и 26 центов указывает на легитимную сделку по всем необходимым правилам и разрешениям, и дурного из этого никогда выйти не может». В почтовой конторе у них с 1932 г. такого не приключалось. Четверо мужиков склонились над толстой книгой Инструкций, а позади нас к окошку кассы до самой двери вытянулась ропчущая очередь. Сумму перевести в песеты целиком оказалось невозможно, и пришлось ее, насколько я помню, увеличить до 212,29. Хенк распорядился, чтобы перевод был совершен от моего имени, потому что иначе, если бы сестра его сделала запрос, она узнала бы, что он посылал деньги и т. д. и т. п.

Он привез мне из Швейцарии два набора белья для лыжников и 1 настоящий лыжный свитер, всё поистине очень хорошее и очень

практичное. Остальные подарки были несколько чересчур и инспирированы слишком уж буквальной интерпретацией моих популярных книг: два новехоньких хлыстика для верховой езды. Сексуальный раб Виллем Д., коему 21 год, – сначала у меня с ним вышла ссора, но потом я вновь завладел им, поскольку он весьма богат (сын В. и Д.) и весьма одинок, – и который как раз гостил тут, посредством самого длинного и самого грубого из хлыстов (во время попытки Хенка побаловаться) довольно беспощадно обошелся с его задницей. Я не думаю, что таков был замысел Хенка, но счел это вполне милым развлечением. Вот так и продолжаем углублять фарватер. Я несколько дней назад что-то приналег на красное и начинаю немного опасаться. Сегодня попробую выдержать сухой режим.

Два Мальчика, в которых я влюблен, не должны иметь от меня ничего, или, по крайней мере, очень мало, кроме, разумеется, бесплатного бухла, авторских экземпляров и/или написанных от руки и подписанных стихов. Вокруг меня становится тихо. И всё же по мере старения я, кроме всепоглощающего отчаяния, время от времени наслаждаюсь и миром. И еще я начинаю понимать больше о том, что движет людьми и мною самим. Это ужасно, что нам в конце концов придется уйти, но это и хорошо, как бы правильнее выразиться. Без Смерти Жизнь была бы бессмысленной, если ты понимаешь, что я имею в ви-

ду. И кто в состоянии любить без условий, тот победил Смерть, и он вечен. В приливе чувствительности я послал тебе Часть II из избранных трудов Господа[114]. Там много занудства, но и прекрасного много: история рождения Луки, толкование любви в Первом Послании Иоанна. В любом случае тебе, как западноевропейскому художнику, надо бы прочесть книгу. Там много всего, что задевает меня и относится ко мне. Грядут еще тяжелые времена; см. на с. 613 Тимофей 3:1 до 7 вкл.[115]

Ну, а больше сообщить нечего. Вскорости нужно приниматься за «Марса в Скорпионе». Но я еще далеко не все заботы отодвинул от себя; вся эта реклама еще долго будет действовать на нервы и крутиться в мозгах.

Иду относить письмо в Блаухаус. Горячие приветы от твоего выдающегося сочинителя

Герарда Реве.

Греонтерп, 9 марта 1968

Дорогой Франс, дорогая Хелми,

Спасибо за письмо от 1 марта. Во-первых, приятная новость: позвонила женщина-врач, не знавшая о том, что будет выставка, и услыхавшая

114 Речь идет о «Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа» в переводе св. Виллиборда.

115 См. прим. 8.

о ней только тогда, когда она давно уже состоялась, и спросила, можно ли ей все-таки купить офорт. Я отослал ее к Тите, которая быстренько продала ей три вещи за 500 или 550 гульденов. Теперь она спрашивает – Тита, я имею в виду – куда послать Деньги: в Испанию или в Амро Банк Болсвард. Сообщи.

Погода здесь постепенно делается менее
 темной, в полях барашки скачут. Кроме этого, весной и не пахнет. Если вы собираетесь в обозримом будущем приехать в Нидерланды, сможете ли к Пасхе? Ламберт С. хочет служить Мессу на Второй день Пасхи, чтобы отметить наш с тобой успех за минувший год, но если не сможешь приехать, мы, разумеется, это дело отложим.

Офорт с кораблем из Ставорена – душераздирающий, и я очень им горжусь. Люди столбенеют, когда – порой только при помощи лупы – могут рассмотреть, что бакены немного наклонены от шторма и т. д.

А теперь еще кое-что. Не мог бы ты изготовить один-два лакированных цветных офорта? Вроде той долины в Таррагоне, где справа нависает нагромождение скал? Не новый офорт, но парочку оттисков, раскрашенных акварелью и покрытых лаком. Я хочу приобрести для них красивые паспарту (наши уж очень строгие и серьезные) и там и сям продавать. Почти уверен, что удастся. С твоими социально-артистическими теориями я не согласен. Почему, в конце концов, твои

работы должны лежать в папках у самое большее трех-четырех коллекционеров, а другим «почти ничего не получить»? Почему нельзя «массе» покупать твои работы? Горняк Торопа[116] – дерьмо и китч (мало того, плохой китч), не потому, что висит в коридоре у всякого социал-демократа, но потому что он – китч. Ван Гога масса приняла и оценила, но он-то – достойный и знаменитый художник. Выкини эти суеверные идеи из своей дурной раздолбанной упертой башки, что нейлоновая рубашка и холодильник в доме и пылесос – не элегантно и т. д. и т. д. Что общего у тебя с массой? Ты должен делать хорошую работу и продавать эту работу всем и каждому, кто платит за нее достаточно и кто не разорвет и не сожжет ее. Все эти деструктивные теории, столь же дурацкие, как идеи элегантности и положения у состоятельной барнской[117] буржуазии – такого большого художника, как ты, они недостойны. Ты выражаешь что-то, в чем люди, богатые и чванные, имеют глубокую потребность, ибо никто не может жить только «хлебом единым». Величина и благодать твоего мастерства должны настроить тебя несколько мягче в отношении всех этих миллионов, которым в 7, 8

116 Johannes Theodorus Toorop (1858–1928) – крупнейший представитель символизма в нидерландской живописи. Имеется в виду цветная литография 1915 г.

117 Baarn – город и община в центре Нидерландов, в провинции Утрехт.

или девять часов нужно на работу, и никакого таланта. Безымянные, чей «голос глух настоль, что ропщет он»[118]. Даже Христос был терпелив по отношению к массе. («При виде многочисленной толпы охватило Его сострадание»[119].) Но да, гений со свиной башкой – много ли с него поимеешь. В сущности, тебе надо в исправительный трудлагерь и т. д. Господи боже ты мой, как же я устал.

У Хенка ван Э. недели четыре назад сняли кусок кожи со спины. Теперь ему придется назад в больницу, поскольку удаленный участок «обнаружил злокачественную тенденцию» и нужно удалить больший и более глубокий участок. И всё это по-прежнему без завещания. (По его словам.)

Более я ни о чем не переживаю. Теперь отправляю письмо. Горячие приветы. Ты бы лучше не ездил дальше на всех этих развалюхах. Кроме того, Италия – страна гораздо более дорогая. Позаботишься о том, чтобы операция состоялась?

Приветы от Тигры и
Герарда.

118 Цитата из стихотворения Герарда ден Брабандера «О малых душ безмолвная печаль…» из сборника «Полый человек».

119 Ср.: «Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря» (Мф. 9: 36).

Греонтерп, 26 марта 1968

Дорогие Франс и Хелми,

Я начал немного переживать за тебя, боялся, что ты предпримешь какую-нибудь безрассудную поездку в негодном автомобиле, в Дакар или нечто подобное. Но вот теперь я услышал от Титы, что у тебя всё хорошо, и ты пока что остаешься в Вальсе. Если поедешь в Нидерланды, дай мне знать заблаговременно, имея в виду праздничную Мессу, в связи с которой, я надеюсь, у тебя не будет угрызений совести. (Я выиграл дело в налоговой камере Судебной палаты[120]; через неделю Верховный суд Нидерландов вынесет приговор по делу о моем так называемом богохульстве: Ослиное дело[121]; публикация письма моего к Яну К., как я узнал от просвещенной стороны, преследоваться не будет.)[122]

Фирма Веркерке из Эде изготавливает, вместе с Эдди Постхумом де Буром[123], афиши «fa-

120 См. прим. 9.

121 Верховный суд Нидерландов вынес постановление (апелляция генерального прокурора апелляционного суда г. Амстердама была объявлена неприемлемой) 2 апреля 1968 г. (см. «Митин журнал» № 66).

122 Речь идет о письме Реве к Яну Кремеру (Jan Cremer, р. 1940) – писатель и художник), опубликованном в *Propria Cures* от 20 января 1968 и перепечатанного в «Большой уборке».

123 Eddy Posthuma de Boer (р. 1931) – фотограф.

mous personalities»[124]. Первые две (Волкерс[125] и Реве) уже состоялись. Они прекрасны, поскольку Эдди П. де Б. свое дело знает. Человек тот (Энгел Веркерке) – поклонник твоей работы и спросил меня, как, по-моему, не хочешь ли ты афишу. Я ответил, что не знаю, но что ты будешь придурком, если скажешь «нет». Ему желательно сделать фото в мастерской, среди материалов, гравюр, надписей, старой ржавчины, печали, пустых бутылок, стаканов и нищеты. Тираж – 2½ тысячи, формат 80 x 100, и они тебе заплатят пять сотен гульденов. Справа внизу – твоя подпись в диапозитиве, и вдоль левого края, маленькими заглавными буквами: ФРАНС ЛОДЕВЕЙК ПАННЕКУК ГРАВЕР И ХУДОЖНИК ФОТОГРАФИЯ ЭДДИ ПОСТХУМА ДЕ БУРА. У меня: ГЕРАРД РЕВЕ РОМАНТИК-ДЕКАДЕНТ ПРОЗАИК И ПОЭТ (И Т. Д.). Если они пришлют тебе письменное уведомление, ты должен серьезно взвесить, и в любом случае не говорить сразу «нет». Такая афиша – бóльшая реклама, нежели хорошая рецензия тиражом в ½ миллиона экземпляров. Годами на стене будешь висеть. (Кроме того, такая штука – доказательство того, что ты в самом деле существуешь.)

136

Я в весьма удрученном состоянии, но всё же терпимом. По всей вероятности, самые тяжкие годы позади.

---

124 Знаменитых личностей (*англ.*).

125 Jan Hendrik Wolkers (1925–2007) – писатель, скульптор и художник.

Мы недавно еще раз заглянули в твой дом. В этот раз сырости было чуть-чуть, надо полагать потому, что последние два месяца были сравнительно сухими. Теперь, наконец, с позавчера установилась мягкая весенняя погода.

От Ханса Келлера я слыхал, что ты в принципе готов сделать с ним Теле-Еле программу. Мне кажется, хорошо, если я в этот раз не буду иметь с этим ничего общего: возможно, будет даже точно хорошо, если ты меня ни разу не упомянешь.

Хочу приступить к своей новой книге, но должен проследить еще за всяческими деловыми вещами (замысел сборника писем, осуществление «A Prison Song»[126] и т. д.), ибо вкусом не обладают ни Томас Рап, ни Йохан Б. В. Полак, в то время как Ге Ка Эфферс стремятся делать прежде всего всё убогое, банальное и малочитабельное. Нужно за всем самому присматривать, вот в чем ужас. Я буду рад вновь, затаив дыхание, уйти в работу и «compter pour rien tout le reste»[127]. (Флобер, знаешь ли, изобрета-

126 В 1968 г. англоязычный рассказ Реве «Тюремная песнь в прозе» (русский перевод см. в сб. «Меланхолия», 2008) вышел отдельным изданием с рисунками Томаса Колхаса тиражом в 3000 экз. Позже он вошел в сборник «Большая уборка».

127 «…и презирать всё остальное» (*фр.*). В письме от 13 мая 1845 г. Флобер писал Альфреду де Пуатвену (поэту-романтику, погибшему в юном возрасте): «Le seul moyen de ne pas être malheureux c'est de s'enfemer dans l'art et compter pour rien tout le reste» («Навсегда уйти в искусство и презирать

тель этого малокалиберного ружья.) Ну, выше голову!

Горячие приветы от Тигры и
Герарда.

Греонтерп, 13 сентября 1968[128]

138

Дорогие Бул и Памфилия,

Спасибо за твои письма, последнее было от 29 августа. Под давлением хлопот и нервов я так и не сподобился написать ответ. К вашему сведению, мы собираемся сносить смежный с домом сарай. При ремонте обнаружилось, что вся крыша дома прогнила и надо ее снимать, а треугольный фасад провалился. Мы уже сами всё заменили, крышу – мы с Тигром, фасад – полностью моя работа. Всё получилось, и красиво, прочно и профессионально отделано, но мы чуть ли не два месяца раскачивались на работу, в которую уложились в дней семьдесять. Позавчера настелили крышу над новым фронтоном (который я возвел из старого, отчищенного кирпича), а вчера закрепил

все остальное – вот единственное средство не быть несчастным»).

128 В газете «Партнер» в сентябре 1982 г. это письмо было напечатано факсимиле в статье «Герард Реве лично выбирает прекраснейшие письма из своих сборников».

в цементе плитку с надписью A° D′ 1968 и PATI ET CONTEMNI[129]. Теперь нужно немного поштукатурить внутри и придать божеский вид, провести электричество и соорудить деревянный потолок. Я там собираюсь не гравировать или картины писать, а сочинительствовать.

Я получил задание от СОС написать рассказ (в качестве подарка для членов общества к 1971-му году, в честь их 25-летнего существования), на 2½ куска, с сохранением моих авторских прав. И еще некая литургическая комиссия Р.-К. Церкви неформально прощупывает меня на предмет написания Мессы. Это я с нашим удовольствием, но не за так[130].

Через неделю, а то и три, мы едем в Прованс, проводить каникулы близ Монтелимара, в одном таком местечке под названием Дьёлефи, у Ван О. в его горном поместье.

Твоя просьба – зайти к тебе и посмотреть, как там поживают твои собратья по искусству – мне не особо импонирует: если эта хрень совсем развалилась или пришла в нежилое состояние, я всё равно ничего поделать не смогу, да и боюсь поцапаться с торчками, которые заходятся антидемократическим кваканьем, изнывают по исправительно-трудовым лагерям, оскорбляют Св. Деву и т. д. Я не люблю художников: мне одного более чем достаточно. (Из «The Adventures of Augie March» Сола Бел-

129 «Страдать и быть презираемым» (*лат.*) – слова Иоанна Креста.

130 Ни рассказ, ни месса написаны не были.

лоу: «If you've got a Hungarian friend, you don't need an enemy».)[131]

Гуру Петер Б.[132] сердит на меня из-за моего выкрика: «Да здравствует капитализм!» на Телеящике. Посему он не явился на работы по кладке кирпича, каковые требовалось совершить здесь и в Амстердаме, – что он, во всяком случае что касается Амстердама, определенно обещал сделать. Ни на что я больше
140 не годен, и петеровы друзья его даже спрашивали, как он «вообще может еще с этакими водиться». (Вышеупомянутое я узнал от Фридьофа Л.)[133] Ничего не поделаешь, думается мне, и связано, кроме того, с петеровыми мономаниями: теперь он распростился со всяческой мистикой и астрологией, живет в Амстердаме, домом своим во Фрисландии ни в малейшей степени не интересуется и т. д.

Должен тебе сказать, что меня уже мало что может выбить из колеи. Отныне я воспринимаю жизнь более-менее как она есть и примирился с нею: мне бы только работать и не иметь надобности связываться со всяческой провинциальной культурой. Я позволил затащить себя на лекцию в Леувардене, в какой-то бит-подвал, а потом три дня меня тошнило от идиотизма задававших вопросы.

---

131 «Если дружишь с венгром, враг тебе не нужен» (*англ.*), «Приключения Оги Марча», пер. В. Бернацкой и Е. Осеневой.

132 Peter Brinkman, приятель Реве.

133 Fridjof Laroo, р. 1940, актер.

Фризы – славный народ, но по сравнению с нидерландцами в целом у них еще меньше культуры и фантазии, и они еще бóльшие культуроненавистники. А в остальном жить здесь хорошо и спокойно.

Я закончил кусочек моего нового рассказа. Давно уже не пью как прежде: редко больше литра вина в день. С тех пор как у моего врача в Амстердаме случился рецидив, я сделался осторожнее. Мы внушаем друг другу мужество. У меня-то по крайней мере хороший доктор, но он сам – всего лишь хороший писатель; у него ни врача, ни духовника, к которому можно обратиться со всеми своими нервами и перед кем можно благоговеть.

Мог бы тебе о всяком написать. У нас было великолепное лето, и всё еще стоит мягкая, умеренная и по большей части солнечная погода.

Не знаю, когда у нас дома в конце концов состоится Месса: надеюсь, что на день Поминовения (2 ноября). Хенка ван Э. в третий раз прооперировали по случаю Ужасной Болезни и, как говорят, с хорошим исходом. В этот раз оно добралось до подмышки. Должен сказать, что он держится молодцом. Как знать, может, мне еще лет шесть-семь без болезни будет пожаловано. Посему я должен прилежно работать. Если бóльшая часть твоего внимания уходит на боль и страх, не много осуществишь. До сих пор я был человеком привиле-

гированным. («Возрадуйся же в дни юности твоей, прежде чем придут времена, о которых ты скажешь: „Нет мне удовольствия в них“».)[134] Текст на камне фасада, *Pati et contemni* – это латынь, и был он девизом великого испанского поэта, мистика, святого и учителя церкви, Св. Хуана де ла Крус (или Иоанна Креста), рожденного в 1542, умершего в декабре 1591, чье
142 неразложившееся тело было погребено в мае 1593 в Сеговии. Это означает: «Страдать и быть презираемым».

Напиши этому своему собрату по искусству, когда вернешься домой – если вернешься, чтобы он вовремя очистил территорию. Иначе будет море крови.

Горячие приветы вам обоим от Тигра и Герарда.

P. S. У нас тут очень милый черный котенок по имени Мария. Теперь в целом четыре штуки.

Греонтерп, 6 декабря 1968

Дорогие Франс и Хелми,

Попытаюсь писать спокойнее: сегодня опять несколько маниакальный день. Начал с два-

134 Ср.: «И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: „Нет мне удовольствия в них!“» (Еккл. 12:1).

дцати кубиков[135] хлоралгидрата. Вчера вечером прикончил 1½ литра красного, что несколько больше, чем нужно.

Позавчера вечером мы вернулись сюда после недельного пребывания в Амстердаме. Вчера утром пришло твое письмо от 29 ноября, на которое я сразу же захотел ответить, но позавчера, по пути сюда, мы приобрели в Херде на Велюве[136] 16 новых розовых кустов, и вчера их нужно было посадить: 7 штук Квин Элизабет (старый, огромный куст с ярко-розовыми тюльпановидными пластиковыми цветками), 2 – Голден Шауэрс (масляно-желтая вьющаяся роза), 5 – Алэн (громадная цветная капуста из красных розочек) и 2 Айсберга (гигантский куст, полный белых цветков, которые цветут до самой зимы). На новом участке, который мы взяли в оборот, мне пришлось прорубать люки мотыгой, поскольку мы годами хранили там строительный мусор для укрепления подъездной дороги. Все шестнадцать роз теперь стоят, утопая в перепрелом навозе, и над каждой ямой я упорствовал, покуда не добрался до рыхлой почвы, так что они теперь могут пораскинуть свои корешки. Весь день я рубил, швырял лопатой, таскал навоз и сажал растения, но и результат – следующей весной – должен быть грандиозным.

---

135 Кубических миллилитров.

136 Heerde – муниципалитет и город в восточных Нидерландах. Veluwe – богатая лесом территория в провинции Гелдерланд.

Я мало-мальски доволен. Сначала хотел уезжать отсюда, продавать дом и т. д., но теперь считаю, что мне тут весьма даже ничего живется. Новый писательский уголок очень себя оправдывает, хотя нужно его еще сделать ветронепроницаемым. Из него исходят глубокий покой и вдохновение. Знаешь, при рытье желоба для основания новой стены я нашел огром-

ный камень кило на одиннадцать–двенадцать, обтесанный предками с одной стороны. Этот плоский розовый песчаник, вероятно, был частью надгробной плиты или угловой части дома – столетия тому назад. Я предназначил этот Камень для пьедестала Преславной и Благословенной девы. Теперь я получил от святого отца Яна X. обещанную статую. На задней стене писательского уголка *Pati et contemni,* то есть напротив большого окна, я прорубил продолговатую горизонтальную нишу, чтобы вогнать туда камень и вмуровать его. Дева (из белого с золотой окантовкой фарфора) стоит теперь на массивной подставке, образованной Камнем, где-то в метре от пола, окруженная огоньками в баночках. Теперь я расписываю золотыми звездочками синее небо за ее спиной. Думаю, что это очень хорошо.

О Боге, кстати говоря, в сущности, сказать нечего. Одни утверждают, что он круглый, а другие – что квадратный. Римско-Католическая Церковь говорит, что он – треугольный, и они-то ближе всего к правде, хотя один католический отец церкви объявил, что Бог –

это шар[137], середина которого – везде, а окружность – нигде: везде и нигде – слово говорит само за себя.

Мы все остаемся одинокими, ищущими людьми. Но я рад, что заказал розы, забрал и посадил их. Мы, наконец, нашли хороший питомник, который поставляет весьма высококачественные и всегда неповрежденные растения: Баюсман и Сыновья, в Херде (Велюве). А теперь всё же о посадках в грунт: будущее Хенка ван Э. видится мне не особо радостным. Хрень домаршировала до горла и легкого, облучали ее восемь раз, а через пару дней удалят хирургическим путем. Но мне-то мозги не запудришь: что они в такой стадии ему еще что-то могут вырезать и сделать нечто большее, нежели просто притормозить. Честно говоря, я думаю, что нужно ему собираться в далекое странствие, из коего еще никто никогда не возвращался и не посылал известий домой – даже открытки. Это мне кажется делом очень трудным и, возможно, еще труднее, если жизнь, как у него, была пуста и ничем не заполнена, но, может быть, он едва ли осознает эту свою незавершенность.

Многие говорят, что я доживу до глубокой старости. Ну да, я хочу еще кое-что написать, побузить всласть и заставить говорить о себе, и зарабатывать много, очень много Денег (*Dinero*).

---

137 Вероятно, имеется в виду Гермес Трисмегист.

Надеюсь, что тебе там, в покоях у немецкого хозяина в Кониле[138], по-прежнему нравится. Если можешь там работать и, следовательно, зарабатывать Деньги, какая разница, платишь ли ты 80 или 150 гульденов в месяц? И это всегда даже меньше, что тебе пришлось бы здесь отстегивать за нечто подобное.

Я уже тебя не раз спрашивал: можешь ты
146 в ближайшее время сделать гравюры пейзажей, раскрасить акварелью и покрыть лаком? Я знаю наверняка, что я, или Тита, или Томас, или Дебби смогут их продать. Я имею в виду, например, ту долину у Таррагоны, которая у нас в Амстердаме висит напротив кухни. Тебе нужно продолжать работать там, а здесь через кого-нибудь продавать.

Этот рабочий уголок очень светлый, и всё же солнца тут нет. Очень подходящее место, чтобы писать маслом или рисовать. Я еще не вполне уверен в том, что́ буду делать и буду ли вообще. Сначала нужно покрасить плинтусы и пол, а уж потом пойму, нравится ли мне материал.

Доктор Орд говорит, что стерилизует котов. Вот удача, потому что для этого теперь практически никого не сыщешь. Тогда мы, наконец, избавимся от всех этих напастей с кошачьим приплодом.

В понедельник придет ко мне социальный работник из Бюро по Алкоголизму: по дли-

138 Conil de la Frontera – населенный пункт в Андалусии.

тельном размышлении он пришел к заключению, что я – алкоголик. Его переводят в другой округ, и он переезжает в Ахтерхук[139]. Во время последнего обхода он собирается представить мне свою воспоследовательницу, некую даму. Эта его социальная работница заслуживает человека умеренного. Я теперь на самом деле пью исключительно по вечерам. В противном случае – ничего, совершенно ничего не получается, и всё из рук валится, если днем.

В «Телевизире»[140] напечатали мой гороскоп[141], и еще для рождественского номера *Propria Cures* я написал статью против тростникового сахара[142]. При возможности пошлю тебе и то и другое, и один экземпляр «A Prison Song in Prose». Иногда я ужасно от всего устаю.

А может ли быть так, что твои головные боли – аллергические? Я думаю, что они из-за того, что ты все эти годы вел такое ужасное существование, как пламя, я имею в виду, а теперь остался от тебя малюсенький огарочек. Тогда как я, сидя дома, оставался в отлич-

---

139 Ахтерхук расположен на востоке Гелдерланда, между рекой Эйссел на западе и границей с Германией на востоке и юго-востоке.

140 Нидерландская радио- и телепрограмма. Игра слов: телевизор и tele-vizier; последнее слово означает «забрало» или «прицел».

141 См. прим. 10.

142 Эта статья под названием «Предисловие» была напечатана в *Propria Cures* от 16 декабря 1968 г., а под названием «Тростниковый сахар» вошла в сборник «Свой дом».

ной кондиции, этакий *indoor training*[143], можно сказать. Но еще это оттого, что ты никогда не дрочишь. А ты бы от этого выздоровел! И все дурные соки и испарения, которые спускаются вниз и скапливаются в этом липком желе, а потом: фьюить, вон! Я каждые полтора часа начинаю новую жизнь, с чистой страницы, образно выражаясь.

148 Мы забрали из твоего дома эту пелгромовскую[144] печку с бачком (без втулки), чтобы посмотреть, будет ли она функционировать в Летнем Дворце[145]. Если будет, я хотел бы забрать ее, всё равно ее у тебя ржавчина съест. Дай знать, одобряешь ли, или что бы ты хотел за нее. У бачка изрядно заржавело дно, увы. В хорошем ли состоянии сама печка, мы еще посмотрим.

В доме у тебя всё пока что в порядке. Мы всё съедобное убрали из помойного ведра, шкафов и frigidaire[146]. Никаких следов мышей. В почте был счет от некоего Хаюсмана (±120 гульденов), прилагаемая при сем телеграмма и извещение о текущем счете из банка, из коего явствует, что у тебя на нем еще 24 гульдена. И еще повестка из суда для какого-то *Де Воса*. Где он живет или лагерем стоит? (Езда по запрещенной улице без водительских прав. Заседание

143 Тренинг в закрытом помещении (*англ.*).

144 Т. е. Фирмы Pelgrom (Pelgrim).

145 Второй домик Реве в Греонтерпе.

146 Холодильника (*фр.*).

9 декабря. Наплюй.) Телеграммы из Америки нет. Отчего бы тебе не попросить владелицу той галереи просто прислать открытку или записку? Кстати, не вижу причины, по которой гравюры могли не дойти.

Работай в полную силу и пей только поздно вечером, перед тем как в койку залечь, а то и вовсе не пей; правда, для художника это трудно. Мы всё еще бодры после поездки в Южную Францию. Здесь очень inclement[147], влажная и холодная погода, темно, а температура нулевая или чуть выше или ниже нуля.

Заканчиваю это длинное письмо. Горячие приветы тебе, Хелми и Лизе от Тигра и

Герарда.

147 Inclément (*фр.*) – суровая.

1969

150 *Дом «Трава», Благовещение*[148] *1969*
В мастерской «Pati et contemni», A° D′ 1968

Дорогие Франс и Хелми,

Меня очень порадовало твое письмо от 10 марта сего года, которое, возможно, пролежало тут уже несколько дней, поскольку мы возвратились сюда после четырехдневного пребывания в Амстердаме, усталые, но довольные. Зиме, кажется, конца не будет. По ночам всё еще морозец, и в саду участок земли с остатками обледенелого снега основательно промерз. Ни на деревьях, ни на розовых кустах еще ни глазка, ни побега. Господь суров и сердит в этом году, это совершенно очевидно. Хенк ван Э. в земле, если это тебя успокоит († 13.3.1969, в 16:30). Обстоятельства его кончины столь плачевны, что я оставляю их для устного сообщения в подходящее время.

Ах нет, конечно же, я не имею в виду расторжение нашей дружбы. Ты не причинил мне

148 Празднуется 25 марта.

никакого зла, и ни со мной, ни с Тигром не обращался дурно. Просто я должен что-то с этим сделать (и я хочу) и не могу. Только от одного вида твоего наследства я 36 часов кряду не в себе. И если ты, со всей своей печалью, заезжаешь сюда, у меня на три дня руки опускаются. Даже при простом подсчете, стало быть, видно, что тебе не нужно заходить чаще двух раз в неделю, чтобы застопорилась вся моя работа. (Умираю от злости на вся и всех. «Никогда уже ничего хорошего не будет», – как говорит Мелле[149].)

Смотри: если бы ты был мне безразличен, я бы и не дергался и в лестничный пролет бы не бросался.

Но теперь, в твоих собственных интересах: не нужно тебе больше жить во Фрисландии или где-либо еще в Нидерландах, и не затягивай с принятием мер относительно дома в Пиньюме, покуда он, окончательно сгнив, не обесценился; пусть твои родители уже сейчас дадут объявление. Ну ладно. Завтра я, надо полагать, двинусь дальше.

27 марта 1969

Вчера ничего не получилось. Я рвал и метал и, наконец, был уложен на обе лопатки при помощи хлоралгидрата и паральдегида (слона

149 Melle Oldeboerrigter (1908–1976), художник, которого в артистической среде знали преимущественно по имени.

свалит). Сегодня я уже совершенно прежний. Однако в последнее время я очень напряжен и неспокоен. Раньше это было крайнее отчаяние, порождавшее у меня головную боль: сомнения в Господе и в Завершении Всего Сущего. Теперь я с этими вещами примирился. Теперь я вижу, что человек сам себя спасти не может, что человеку не дано знания иного,

нежели откровение, и что нет иного упования, кроме Божией Милости. Я понимаю, и я примирился с этим. Но теперь у меня страдания на малом фронте: космическое и вечное – это всё хорошо, но не могу примириться с тем, что старею. (И что-то вдруг очень быстро.) Лучшее, однако, это очень много и интенсивно работать.

(Прилагаемое письмо от третьего лица я бы хотел при удобном случае получить назад.) То, что ты пишешь об этом немецком корабле с Матросиками, совершенно сводит меня с ума и очень печалит.

Я написал Ламберту С. и спросил его, могу ли я читать из Писания во время предстоящей Пасхальной Службы. В противном случае это сделает какая-нибудь артистическая баба, там чувствительное.

Моя мастерская стала очень красивой, и подаренная мне Отцом Х. из Л. статуя Преславной и Благословенной Девы смотрится там чудесно. Поставь же где-нибудь свечу для нее. И дай знать.

Немецкий перевод «Näher zu Dir»[150] неустанно продвигается вперед и становится очень хорош. Он должен появиться самое позднее в сентябре, перед большой Книжной ярмаркой. Теперь заканчиваю.

Горячие приветы Хелми и тебе от Тигра и Герарда.

Греонтерп, в мастерской ателье
«Pati et contemni» A° D' 1968, 31 марта 1969

Дорогие Франс и Хелми,

Дело, которое я сейчас должен уладить, давно уже тяготит меня. Этот месяц с астрологической точки зрения для меня неслыханно удачен, так что я вдруг смог закончить первую главу моей новой книги. (Мой Сатурн образует треугольники как с Нептуном, так и с Солнцем.) Однако сначала, чувствую я, перед тем как я действительно справлюсь, я должен закончить это письмо. Существуют как деловые, так и личные аспекты, которые, кроме того, с этим связаны.

Для начала я решил, теперь, когда контракт с Томасом Рапом продлен, не выпускать третье издание «Четырнадцати офортов» и т. д., и у Ван Орсхота тоже. Я хочу текст

150 Ближе к тебе (*нем.*).

(кроме последнего) взять главой в мою новую книгу, которая должна выйти в 1970 г., предполагаю, и возможно, еще весной. Мои финансовые перспективы порождают некоторые, хотя и не прямые, тревоги. Да, я на остаток по счету могу протянуть до середины 1970, сдается мне, если жизнь не вздорожает, и не приму иного статуса, в отличие от нынешнего. Но-

вые доходы (от недавних продаж книг, стало быть) в 1967 и 1968 гг. были недостаточными. Продажа в 1968 г. была гораздо меньше половины от продажи в 1967 г., и принесет всего лишь 6–7 тысяч гульденов брутто, слишком мало даже для такого простого статуса, который мы имеем сейчас, по крайней мере если у тебя есть машина и второе жилье в городе. Если моя новая книга не будет завершена в этом году, проблемы начнутся неслабые. Мне нужно собрать все силы, чтобы довести дело до конца. Я здесь никого не принимаю и почти 2½ месяца на сухом режиме, иногда с пилюлей, иногда без нее, и сбросил 10 килограммов (примерно 12½% от моего прежнего веса).

Это что касается непосредственной стороны того, что на очереди. Другая, личная сторона гораздо важнее и, в сущности, она решающая, и включает в себя следующее: я более не могу и не хочу далее конфронтировать с положением социального банкротства и пауперизма, которых ты, как я теперь непоколебимо убежден, сам ищешь и сам создаешь. Это твое законное право, но я больше не же-

лаю иметь с этим ничего общего, поскольку это гложет меня и сводит с ума. Из-за этого я слишком много думаю о домашних неудачах тридцатилетней давности. Разумеется, я буду несправедлив в относящихся к делу деталях, но ты ищешь дезорганизации, уничтожения и развала – с открытыми глазами. Ты мечтаешь о доме на воде, дабы власти могли отказать тебе в разрешении на размещение; об автомобиле, оборудованном под жилье, с тем, чтобы они гоняли тебя от стоянки к стоянке. Я хочу создавать искусство и продавать искусство. Бог знает, чего хочешь *ты*, но в любом случае: не продавать. Твои мотивы мне неясны. Если тебе нужно сделать обложку, тебя не убеждают границы соответствующей техники воспроизведения; если есть возможность устроить выставку, ты сбегаешь, но поднимаешь бучу посредством телеграмм; и если я случайно спасаю твои работы из лужи грязи и плесени и продаю их, что же я слышу: «Вообще говоря, так не полагается». (Что же тогда мне оставалось делать с уникальным Теле-Еле временем, отведенным для передачи, которое, с коммерческой точки зрения, наверно, обошлось в полтыщи? Сказать: у Паннекука покупать нечего?) Ты можешь что-то, но ты ничего не хочешь. Прилагать усилия для тебя – слишком тяжело. Даже такой пустяк смастерить в один прекрасный полдень, как lay-out, при помощи ножниц и горшка с клеем – даже это ты, вообще говоря, счел ниже своего до-

стоинства. Мне ежедневно приходится часами заниматься деловой перепиской, например, относительно новых обложек для бумажных изданий «По дороге» и «Ближе к Тебе» (для чего Эдди Постхума де Бур один раз приезжал сюда, я еще трижды был вынужден ездить в Амстердам, где должен был одобрить цветные оттиски, сочинить новые аннотации и т. п.).

Эта дамочка из галереи в Нью-Йорке или где-то там в Америке просто мечтает продать твои офорты, ибо она с этого кормится, но ей нужно еще суметь продать их. Ей хочется, чтобы оттиски были презентабельными. Никакого отношения к отсутствию культуры это не имеет. Невредно было бы справиться, на каких по величине листах желательно сделать оттиски, как их экспортировать, хранить, возможно, и обрамлять и т. д. Ты же хочешь исключительно «в ящичке», «от одного коллекционера». В ящичек Великого Коллекционера мы сыграем довольно скоро. Тебе нужно делать то, что ты сам хочешь, понятное дело, но преподнести это нужно так, как желает заказчик. Издатель желает книгу непременно страниц в 200: не в 10, и не в 900, ибо с этим он реально ничего сделать не сможет. Так что я поставляю ему рукопись в 192 или 208 печатных страниц, не уронив при этом своей чести. Искусство – в первую очередь упорная, кропотливая работа, это я тебе уже неоднократно пытался втолковать. Я плюю на всякого, кто желает казаться богемой и дума-

ет, что это изысканно – жить в свином хлеву. Я в самом деле не понимаю, откуда у тебя берется храбрость – три раза подряд заправляться в долг бензином и, если в четвертый раз тебе это не удается, являться ко мне рвать и метать. Как ты осмеливаешься в книжной лавке Аллерта де Л.[151] устраивать хай по поводу кредита – какового я за всю свою жизнь еще никогда не испрашивал ни в одном магазине – и выбросить их счет в Веске – или пустить по ветру – я там нашел его в кустах. Так жить, я считаю, – это скандал, и скандал вопиющий. Какие такие обязательства перед тобой имеют владелец бензозаправочной станции в Пиньюме и книготорговец Аллерт де Л., что ты можешь жить в кредит у них? (В то время как у тебя, прошу заметить, деньжищ полные карманы!)

Я вот как считаю: или ты пытаешься дела делать, или идешь к властям и говоришь: «Я – художник, и авторитетные люди утверждают, что я делаю красивые вещи, но в смысле социальном и деловом я не выгребаю. Не могли бы вы мне помочь?» Для прилежно работающего художника это совершенно пристойно, если он путем контрапрестации[152] или еще каким-либо иным способом пользуется общественной

---

151 Allert de Lange (1855–1927) – издатель и книготорговец.

152 Уложение, действовавшее в Нидерландах до 1956 г., согласно которому художник в обмен на свои работы получал субсидию от государства.

поддержкой, так же, как и больные, сироты, военные вдовы и т. д., не справляющиеся с социальной борьбой, с честью и высоко поднятой головой могут брать деньги у государства. Но тебе это изящным не кажется.

Однажды вечером в ноябре этого года я спустил с лестницы трех бездельных артистических типов, а здесь в первый день нового
158 года выпер некоего волосатого, мерзкого, немытого строптивца из дома, куда он непрошено явился заплетать мне извилины своей хуйней насчет нашей «мудацкой страны». (Кровь из его рыла всё еще видна на подлокотнике дивана.)

Меня всегда раздражало, что для тебя чересчур сложная задача – когда-либо к чему-либо *всерьез* приложить усилия. И это нью-йоркское фиаско ты устроил намеренно, хотя, может быть, и не осознавая этого, но как иначе. Как я уже сказал: всё для тебя чересчур, даже, например, подобно простому смертному помыть посуду, когда Памфилии нету дома. (В Пиньюме на кухонном столе опять громоздится штабель высотой в полметра – гниющих и врастающих друг в друга ржавых мисок, тарелок и приборов.)

Как ужасно, что я всё это должен писать. Разумеется, я – «осмотрительный чиновник» и озабоченный гражданин, но ты ведь знаешь, что я прав. Всё это – твой выбор, на который у тебя есть полное право, но дела иметь с этим я больше не желаю.

Давай будем рассудительны. Пускай наши пути разойдутся, возможно, навсегда, в любом случае на долгое время. Я принесу всё принадлежащее тебе либо к Тите, либо к тебе домой, и отдам ей, наконец, ключ. Керосинку ты также получишь назад, но желательно не сей же час, поскольку через пару месяцев мы сможем получить другую – в Амстердаме у нас будет газовое отопление.

Каким бы жалким ни было это письмо, я рад, что написал его. Я трезв, не особенно взволнован и вполне в здравом уме.

Я должен бороться и не покладая рук трудиться, чтобы преуспеть в отношении творческом, духовном и социальном и стоять до конца: я продолжаю строить мои стены, мою мастерскую и мавзолей, для которого Тигр, будем надеяться, сможет принести бабок, если я раньше него сподоблюсь предстать перед троном Божиим. Мне нужно спешить, ибо наступил вечер и скоро спустится ночь. Я не отворачиваюсь себялюбиво от боли, страдания и нужды, но от умышленного хаоса, от мелкобуржуазного восхваления нищеты и от мечты лавочника, который думает, что человек считает только тогда, когда покупает в долг. Боже мой.

Пусть у тебя всё наладится. Что-то еще я хотел написать, чуть не забыл. Ты где-то в последних письмах упоминал, что хотел бы учиться писать[153]. Для того, чтобы писать, я по-

153 План этот был реализован: в 1977 г. у Эрвена Томаса Рапа в Барне вышла книга Франса Лодевейка Паннекука «Гравюры, стихи и кое-какие заметки».

лагаю, определенно требуется такое же упорство и длительная терпеливая концентрация, как и для гравировки. Один офорт можно, если повезет, создать за несколько дней или недель, на создание же книги уходит год, на рассказ – пара месяцев самое меньшее. Но что это на тебя нашло? Ты теперь можешь, как гравировщик – стоит только захотеть – сводить концы
160 с концами, и не сидишь, как я, внутри национальных границ, запертый в верше для угрей с 14 миллионами кальвинистов. Я – единственный нидерландский писатель с именем, который, спустя почти четверть века писательства, в последние года три-четыре может жить на заработки пером (все другие, кто рассказывают то же самое, живут в действительности работой на радио, обсуждением книг и т. д.). Художники, занимающиеся изобразительным искусством, еще могут получить поддержку, субсидию и т. д. – писатели же нет. Никакой музей никогда не купит у меня книгу или рукопись. Даже если можешь выдать на гора сносную работу, в первые двадцать пять лет голодание тебе гарантировано.

Отчего бы тебе не углубиться в реальные проекты, например, продажу дома в Пиньюме, чтобы посредством этого финансировать другой уголок в Испании или Португалии, прежде чем дом превратится в никчемные развалины, населяемые похитителями шмоток?

Для меня является загадкой, как можно так ломать и разорять собственную жизнь,

и всех и вся в этом обвинять, в то время как, по твоему мнению, никто никогда не может быть сто́ящим человеком, если он просто-напросто имеет теплый дом и пылающий камин.

Еще раз: пусть всё у тебя наладится, и, возможно, до свидания, в отдаленном будущем.
Твой

Герард Реве

Франс Лодевейк Паннекук. «Портрет одного пера моей утки»

ЛУЧШЕ БЫТЬ АЛКОГОЛИКОМ, ЧЕМ СОЦИАЛЬНЫМ РАБОТНИКОМ

О знакомстве Герарда Реве и Франса Паннекука с Хенком ван Э.

В ноябре 1965 г. Герард Реве несколько дней провел в Северном Брабанте, в селе Сони-Брейгел (см. «Письма к Франсу П.» (10 ноября 1965 г.) и «Письма к Йозин Мейер» (11 ноября 1965 г.) Затем выступал в соседнем Эйндховене, в местном пресс-клубе.

Реве ночевал в Соне, под кровом незнакомых ему хозяев – Шурда де Врея[1] и его жены. Они предложили ему ночлег по просьбе Хенка ван Э., в письме к Паннекуку обозначенного как «гомофил, с которым я на прошлой неделе заходил к Памфилии». В последующие годы Ван Э. и Реве примутся рекламировать гравюры и картины Паннекука для привлечения интереса потенциальных покупателей. «Ну да, я попытаюсь втолковать что-то этим людям» (10 ноября 1965).

1 Sjoerd de Vrij (1914–1992) – журналист, радиорепортер.

БЕСПЕЧНЫЙ АРТИСТИЧЕСКИЙ НАРОДЕЦ II

Де В., устами Ван Э., позвонил из С.,
что, возможно, купит у Булли ван дер К. холст
под названием Фризский Зимний Пейзаж.
Коль скоро тот, разумеется,
подойдет к цвету обоев.
Если из этого и правда что-то выйдет,
будет здорово,
и Памфилия больше не станет искать окурки
в пепельнице,
а получит от докторишки тайные травы,
поскольку ее щелочка не в порядке.
Они явятся в понедельник, я имею в виду, из С.,
по крайней мере, если погода
не воспрепятствует.
По-прежнему идет снег.
Глядя на пустынную землю, я знаю:
всё, что я вижу,
и думаю, и делаю, и всё, что я есть,
пройдет, кроме Тебя.

(…) Стихотворение, вероятно, написано 20 ноября 1965 г. Три года спустя Реве в письмах к Паннекуку станет регулярно упоминать имя их обоюдного знакомца, всякий раз в связи с его прогрессирующей болезнью.

«У Хенка ван Э. недели четыре назад сняли кусок кожи со спины…» (9 марта 1968).

«Хенка ван Э. в третий раз прооперировали по с случаю Ужасной Болезни и, как говорят, с хорошим исходом…» (13 сентября 1968).

«…будущее Хенка ван Э. видится мне не особо радостным…» (6 декабря 1968).

«Хенк ван Э. в земле, если это тебя успокоит. († 13.3.1969, в 16:30)…» (25 марта 1969). [Реве ошибочно называет датой смерти 13 марта.]

Хендрик Виллем ван Эссен родился в Редене, Гелдерланд, 20 января 1905, и был вторым и последним ребенком в семье. Сестра, Йоханна Мария, была старше его на 10 лет. Значительную часть жизни он прожил в Эйндховене, после чего поступил на службу в «Филипс», где заведовал перепиской. Примерно в 1949 г. он сделался секретарем директора – Фрица Филипса[2], который ранее был членом совета правления компании. Эту функцию Ван Эссен исполнял до начала 1961 г., когда Фриц Филипс сделался преемником своего зятя Франса Оттена[3] в качестве генерального директора. Его секретарскую функцию взял на себя некий юрист из его собственной организации, а сам он в качестве начальника отдела социального обеспечения проработал до пенсии, на которую ушел в марте 1967 г.

Милейший человек, которому выдалось наслаждаться свободой всего лишь два года. Хотя «свобода» – это громко сказано, поскольку в личной его жизни ему приходилось скрывать

2 Frederik Jacques «Frits» Philips (1905–2005) – четвертый председатель совета директоров нидерландской электронной компании «Филипс», основанной его дядей и отцом.

3 Pieter Franciscus Sylvester (Frans) Otten (1895–1969) – генеральный директор «Филипса» с 1939 по 1961 гг.

свою «сомнительную» ориентацию. За месяц до его смерти Реве писал близкому коллеге Ван Эссена: «(…) Это была лишь полужизнь, и Господь оборвал ее, но не завершил…»

В 1962 г. Ван Эссен выстроил в Соне превосходный дом с частным садом, дизайн которого разработала Мин Рёйс[4]. Ван Эссен, из преклонения перед Филипсом, назвал усадьбу «Маленькой иволгой»[5]. Его незамужняя сестра Йо переехала в этот дом жить и, что гораздо хуже, управлять им. Хенк ван Э. частенько предупреждал своих интимных друзей об ее хмурой подозрительности.

Еще один пассаж из письма Реве коллеге Ван Эссена: «Я признаю теперь, что конец очень и очень близок, если уже не наступил к приходу этого письма. Обычно я бываю на похоронах, прежде всего когда уверен, что близким это будет приятно. Но единственная близкая родственница – сестра Хенка – мне крайне несимпатична: во время единственной нашей встречи она показалась мне исключительно черствой, холодной и ограниченной. Не знаю, зачем мне туда приходить. Ты должен мне посоветовать».

Йо ван Эссен работала частной медицинской сестрой у состоятельных дам.

---

4 Wilhelmina Jacoba (Mien) Moussault-Ruys (Bielzen Mien, 1904–1999) – ландшафтный и садовый архитектор.

5 «Kleine Wielewaal». По аналогии с усадьбой «Иволга» Антона Филипса (отца Фрица) близ Эйндховена.

Из-за этой начальственной сестры, ставшей его проклятьем, Ван Эссен не имел возможности свободно принимать у себя дома гостей. Не говоря уже о «чемпионе-гомофиле» Реве. Поэтому он определил его на ночлег в дом Шурда де Врея (который в то время являлся директором отдела информации «Филипса»), когда в 1965 г., по инициативе Хенка, Реве согласился на его просьбу выступить в Соне и Эйндховене с чтениями из своих книг.

Торжественное фото Фрица Филипса, подаренное ему на прощание с автографом: «Моему другу Хенку ван Эссену, с благодарностью за двенадцать лет сотрудничества», преисполнило его бывшего секретаря нескрываемой, почти детской гордостью. На работе им приходилось общаться весьма тесно, и Ван Эссен нередко приезжал с Филипсом в «Иволгу», если того требовали служебные обстоятельства. Знакомство с Филипсами, крепким семейством, горячими приверженцами принципов Морального Перевооружения[6] – откуда явное неприятие гомосексуальности – никоим образом не тяготило Ван Эссена, пока он скрывал свою тайну. Подобное – а уж в те времена и в том окружении и подавно – просто не подлежало обсуждению, и Ван Эссен не хотел подвергаться риску разоблачения. К тому же

6 Моральное Перевооружение – Moral Re-Armament (MRA) (*англ.*) – интернациональное моральное и духовное движение, начало которому положил в 1938 г. американский евангелист Фрэнк Бакмен.

Фритц Филипс был ему по-настоящему дорог. Он был любим многими, невзирая на его строгие воззрения.

Появление книг «По дороге к концу» и «Ближе к Тебе» для многих гомобратьев означало освобождение. Уморительно описывает Реве в связи с этим свидание в парке и слова его случайного партнера: «Доктор стоит за мной».

В приписке к письму Яну Гротхёйзе от 29 ноября 1971 г. он откровенно признает проблему: «(…): я получил от одиноких мальчиков и мужчин добрых несколько сотен писем, исполненных жалоб на одиночество и вопросов, как быть дальше, как найти контакт и т. д. (…)».

Знакомство с Хенком ван Э. произросло из его восторженного письма к Реве. Это был мужчина с очень гладко зачесанными назад напомаженными волосами. После некоторой переписки и телефонных звонков Ван Эссен получил приглашение в Греонтерп. Он следил за каждой новинкой Реве, и посвящения в последующих книгах становились всё более личными. Посылая ему в подарок «Ближе к Тебе» («с пожеланиями всего самого доброго и хорошего»), Реве в сопроводительном письме от 28 марта 1966 г. возбужденно пишет:

(Дуббельмондехоф 2-II, Амстердам)

«Милый Хенк, прости за короткое письмо. Я, ей-богу, совсем без сил от напряжения и эмоций. В четверг днем и соответственно в пятницу утром в книжный магазин поступила

«Ближе к Тебе». Уже к полудню пятницы было заказано дополнительно 580 экземпляров, но мы еще ничего не знали наверняка. Сегодня, однако, случилось такое, чего в издательской карьере Ван Орсхота еще никогда не бывало: между 9-ю часами утра и половиной шестого дня он, как выяснилось вечером при проверке накладных, продал 3220 (Три Тысячи Двести Двадцать) штук. Он ежечасно оповещал меня о положении дел, и я, разумеется, впадал всё в бóльшую истерику и одержимость. Утром два печатника одновременно приступают ко второму изданию (5 печатных листов у Ван Амеронгена в Амерсфорте и 5 у Тиме в Неймегене, поскольку так будет быстрее, и книжному придется просидеть без экземпляров всего неделю-полторы. Прилагаю собственно книгу. Мне кажется, выглядит очень недурно. (…)

«Мы пили с лицемерной непривычностью вышколенных выпивох.

– Моя работа под завязку набита чувствами, – пояснял я. – Глубоких переживаний исполнена, что называется, – так сразу слова и не подберешь. Вот почему мои тексты столь часто бывают истолкованы превратно.

– Творческий художник, – согласился Бул. – А ты знаешь, что Х. давеча мне жаловался, что ты постоянно пишешь о прошлом?

– И что ты ответил, Бул?

– Я сказал: а о чем ему еще писать – о будущем?»

(*«Четырнадцать офортов», 1967*)

Ван Эссен оживал в Греонтерпе. В письме к Франсу Паннекуку от 28 февраля 1968 г. Реве сообщает о бурном визите Ван Эссена, во время которого тот ни с того ни с сего возжелал послать Паннекуку в Испанию денежную сумму для поддержания его тамошних насущных потребностей. «(…) Далее: позавчера был здесь Хенк ван Э., так что мы, наконец, могли возблагодарить Господа за наивеселейший день…»

Осенью 1968 г. вышло издание написанного в 1960 г. по-английски рассказа «A Prison Song In Prose». На обложке изображен поверженный Призовой Жеребец, и рука (рука Реве), сжимающая хлыст для верховой езды: «самый длинный и самый грубый» из подаренных ему Хенком. Это последнее опубликованное произведение Реве, которое суждено будет прочесть Хенку. Посвящение было душераздирающим: «Хенку ван Эссену – несколько ободряющих слов Великого Писателя: «Мальчику в этом рассказе тоже приходится несладко». С пожеланиями большой выносливости и упорства от [подпись], Греонтерп, в Праздник Непорочного Зачатия Девы Марии, 1968».

«(…) Между тем я несколько подавлен. Праздников ожидаю с неохотою и, кроме того, я должен посвятить себя пастырской заботе о добром знакомом, мужчине 64-х, который выдает себя за 59–60-летнего, и которого уложили в операционное отделение госпиталя «Ден Худ» в Роттердаме, чтобы в четвертый раз прооперировать его на предмет Ужасной

Болезни (Враг Народа № 1), по крайней мере таковое было намерение, но теперь добавились два новых метастаза, которые в первую очередь требуют облучения и т. д.»)

«Я нигде не могу научиться тому, что нужно при этом говорить, а я говорю с легкостью, если уж говорю. Я никому не могу советовать, как умирать, ибо сам еще никогда не умирал. Из какого опыта я должен исходить? Я пытаюсь тактично, мобилизовав всю свою интуицию, вести непринужденную болтовню. Неприятность в том, что правду – и я имею в виду не факт очень близкой смерти, но то, что всегда и всюду истинно – принять очень трудно. Правда невыносима для нашего тщеславия, ибо она угрожает иллюзии объективного и независимого Я-существования. Ведь человек должен очень многое пережить и усвоить, чтобы примириться со смертью, когда она постучится в дверь. Я только надеюсь, что мне повезет. Конечно, было бы здорово умереть, как Сократ, но этого, по крайней мере сейчас, я себе позволить не могу. (…) «Письма к Йозин Мейер», 10 декабря 1968.

«(…) Иногда я в хорошем настроении, иногда в мрачном. Добрый наш знакомый во второй раз лежит в госпитале и больше из него не выйдет. У него довольно обширные метастазы меланомы, самого зловредного заболевания из всех раковых, но он, по-видимому, еще питает надежды. Они там, в госпитале, кажется, совсем рехнулись – собираются облучать шестую

группу метастазов, в паху – у него они в подмышках, в горле, легких и на животе, – и заменить его разрушенную кровь при помощи переливаний. Мне кажется, что против буквальной интерпретации медицинской этики всё же должна восставать простая человеческая совесть. Это касается человека, который, невзирая на свое развитие и карьеру, в сущ-

ности, всегда жил вне реальности, и который почти полностью избежал проблемы жизни, Любви и Смерти. (…)» («Письма к Йозин Мейер», 10 января 1969).

«(…) Между тем судьба распорядилась так, что я время от времени должен навещать человека, лежащего в роттердамской больнице, в клинике Даниэла ден Худа. Я спокойно могу провести у тебя ночь после посещения (вечером с 7 до 8) или до посетительского часа, днем. (Но только этот негр, которому ты даешь себя объезжать, должен будет к тому времени убраться, поскольку эта резкая вонь – терпеть не могу; разве что он молод и похотлив и ищет белого Господина и т. д.) (…)» (Реве – Виллему Нейхолту[7], 18 января 1969)[8].

Визит Реве к Хенку, вместе с Тигрой, был, вероятно, трогательным. В грязной рабочей

---

7 Willem Nijholt (1934) – актер, певец и танцор. Был безнадежно влюблен в Реве.

8 У Виллема Нейхолта в то время был гостевой ангажемент в Новом Роттердамском Театре, и он имел право в отсутствие жильцов пользоваться квартирой в Схиедаме.

одежде, заляпанные известкой, они явились повеселить его: распевали, изображая клоунов, и приплясывали вокруг его постели. Они видели Хенка ван Эссена в последний раз.

В письме к коллеге Ван Эссена Реве 22 февраля 1969 пишет: «(…) О Хенке, похоже, ничего воодушевляющего сказать нельзя. Попытаюсь это всё от себя отодвинуть. Мне кажется ужасным не само умирание, но отсутствие хоть какого-то четкого отношения к нему – как у него самого, так и у его сестры и преступников из Института Радиотерапии. (…) Недель шесть назад я принес Хенку в клинику книгу Юнга, издание посмертных сочинений: «Gedanken, Traüme, Erinnerungen»[9]. Там имеется весьма ценное воззрение на Смерть (Über das Leben Nach Dem Tode)[10], которое, как я полагал, должно быть важно для Хенка. Сестра его слишком глупа для этой книги, и потому я хотел бы получить ее назад, но сначала рекомендовал бы тебе прочесть ее – она ни в коем случае не сухая. (…)»

В то время Реве часто звонил этому коллеге, чтобы быть в курсе состояния Хенка. «(…) Както раз он завел со мной пространную беседу о том, что предстояло бы нам сделать, чтобы избавить Хенка от страданий, на что я ему попытался объяснить, что сперва нам надо бы выяснить у Хенка, хочет ли он этого сам. Ду-

9 Воспоминания, сновидения, размышления (*нем.*).

10 «О жизни после смерти» (*нем.*).

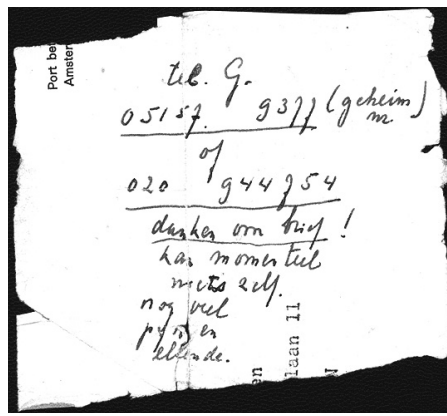
маю, что Ян Гротхёйзе сказал бы ему то же самое. Хенк никогда – мне кажется – не захотел бы этого, хотя бы для того, чтобы не причинять трудностей другим. (28 марта 1998)».

Из письма Реве Яну Гротхёйзе от 25 января 1969: «(…) Мне нужно будет с тобой вскорости проконсультироваться по очень серьезному делу. Я намереваюсь зайти в среду, в приемные часы или после них, чтобы получить у тебя совет. Это касается того человека с *меланомой*. Да-да, представь: его глаз (зрячий) теперь ослеп, и его уже десять дней кряду тошнит (что-то с желчью, говорят), но ему продолжают облучать метастазы в паху! Предположим, что этот человек попросит оказать ему последнюю и крайнюю услугу, как я смогу это сделать? Можно ли что-то прописать, так, чтобы подозрений не возникло; я поставил бы ему на тумбочку в бутылке из-под тоника, или сам бы дал? Я больше не надеюсь на беседу с хирургом, или всё же попытаться?

Я не боюсь, что *меня* зацепят, но ни в коем случае не хотел бы втянуть кого-то другого в ненужную передрягу. Да и дело нелегальное: закон этого никогда не разрешит, но совести в определенный момент приходится вступать в противоречие с законом.

Он с изумлением упомянул о том, что «вокруг его постели всегда столько врачей стоят». Определенно, его должны продержать живым как можно дольше для чьей-нибудь диссертации. (…)»

В первый раз коллега по «Филипсу» навещал Хенка в больнице вместе с Йо ван Эссен, при которой Хенк держался робко и испуганно. Драматичен обрывок конверта, который Ван Эссен тайком от сестры сунул коллеге в руку. На клочке бумаги были записаны секретный номер телефона Реве в Греонтерпе, его номер в Амстердаме на Плантаже Керклан 43 III и приписка: «Поблагодарить за письмо! Сам сейчас не могу, очень сильные боли и ужас». [На обратной стороне обрывка коллега записал имя радиотерапевта, д-ра Й Г. ван Андела, которое передал Реве по телефону.[11]]



«(…) Ладно, оставим же это на усмотрение Господа, который всё знает и всё понимает. Дай мне знать, когда до этого дойдет, нужно ли мне приезжать в Сон. (…) Между тем я хочу по-

11 См. также «Достопочтенный г-н Таюнир» в «Письмах моему врачу».

просить тебя кое о чем. Я все эти годы время от времени писал Хенку – о всяких практических вещах, но также и для утешения и чтобы повеселить его. Многие из этих писем исполнены исключительными, по большей части вымышленными ревистскими приключениями. Не думаю, что хенкова сестра эти тексты оценит. Не мог бы ты в свое время попросить

вернуть их, для меня? Кстати, можешь их спокойно прочитать, хотя порой тебе придется качать головой, порой помирать со смеху. (…)»

Коллега был вынужден разочаровать Реве. Все письма, кроме одного, посланного вместе с книгой «Ближе к Тебе», были уничтожены. Ван Эссен уже давно просил коллегу срочно разорвать письма, он не сомневался, что Реве их опубликует, и страшился посмертного разоблачения. Коллега эту его просьбу уважил, прекрасно сознавая, о какой жертве шла речь. «(…) Я по-прежнему вижу себя стоящим перед его кроватью с портфелем, набитым обрывками и, как сейчас, помню, какое облегчение появилось на его лице. Большая ноша свалилась с него. (…) Мы никогда не узнаем, что было его наибольшим страхом. (…)» (28 марта 1998).

Хенк ван Эссен еще пару недель пробыл дома. Он был очень ослаблен, но постоянно стремился поговорить со своим коллегой и его супругой, которые навещали его ежедневно. Между ними возникла доверительная связь. Более, похоже, никаких друзей он в свою жизнь не допускал. Одиночка, терзаемый страхом

дурной молвы. Он умер в присутствии своей сестры, хотя сестринской любви в жизни не видел. Сразу после его кончины она сбежала из дому и провела ночь в Соне, у Шурда де Врея и его жены. Они весьма удивились ее появлению, поскольку были знакомы только шапочно, но, разумеется, приняли ее. Она определенно была в панике! Йо ван Эссен согласилась на то, чтобы ближайший коллега Хенка – по его просьбе – бодрствовал у тела. Кремация состоялась в крематории в Дирене, в провинции Реден. Урну установили на могиле его родителей.

Барышня Йо ван Эссен скончалась 8 апреля 1980 г. Выручка от продажи дома «Маленькая иволга» поступила в пользу благотворительного фонда Иоанны – учреждения для инвалидов в Остербеке, близ Арнема.

Ханс Эверс[12]

12 Ханс Эверс (1956–2015) – ревист. Статья публикуется с сокращениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Теодор Холман (Theodor Holman, 1953) – колумнист, писатель, радиоведущий, сценарист. Материалы взяты из газеты «Де Грюне Амстердамер»[1].

2. 7 октября 1967 в Леувардене был организован литературный вечер поэтов, пишущих на фризском и нидерландском языках. Ведущим вечера был Симон Винкеног, и между ним и Реве в конце вечера произошла драка. Ежедневник «Тейд» в выпуске от 11 октября под заголовком «Переполох» приводит различные версии произошедшего, напечатанные в газетах. В программе «Mies-en-scène»[2] (ведущей которой была Мис Боуман, режиссером – Лен Тимп) от 13 октября Реве зачитал текст о том, что произошло. Текст под названием «Краткие путевые заметки» был опубликован в программе VARA, а затем в сб. «Большая уборка».

---

1 Впервые статья была напечатана в газете «Пюнткомма» № 6 в октябре 2006 г.

2 Игра слов: Мис на сцене.

3. С этим рассказом о 18-летнем Кофейном Мальчике Реве выступил 27 октября 1967 по радио VARA (вероятно, в «Программе для недозрелых»). Ежедневник «Тейд» определенно намекал ни на что иное, как именно на этот опубликованный 28 октября комментарий: «Герард Корнелис ван хет Реве в радиопрограмме VPRO подробно рассказал о своей безнадежной влюбленности в прелестного индийского юношу, который, подобно подарку Божьему, лишившись чувств, пал в его объятия. Такие пикантные истории редко можно услышать. Ни один гетерофил не рассказал бы такого. Хотелось бы, чтобы эмансипация гомосексуалистов ускорила темп настолько, чтобы VPRO больше не пришлось воображать, что эти сантименты столь необходимы для прогрессивного имиджа, что можно было бы сказать Реве: «Делай то, от чего не можешь отказаться, пиши книгу, ибо ты это умеешь, но к черту тебя с этим нытьем и рассусоливанием, поскольку оно невольно превращает зрителей-гетерофилов в вуайеров. Ван хет Реве не нужно совершать никакой миссии и изображать моралиста. От этого мы в некоторой степени избавились».

4. К сожалению, эта открытка так и не была напечатана. Реве вспоминает, как она была задумана: «Он (Т. Рап) собирается выпустить почтовую открытку с каемкой из тисненых золотых цветочных фестонов. На ней будут изображены в виде развернутых веером играль-

ных карт обложки моих книг, а где-нибудь между ними, в зеленом тисненом лавровом венце, мой портрет. На открытке приклеят крохотный пластиковый чемоданчик с надписью на нем: «Fly KLM»[3]. Если нажать на чемоданчике кнопку, он откроется, и из него вывалится прикрепленная с одной стороны полоска из 10–12 фотокарточек, относящихся к разным Периодам Моей Жизни».

5. Имеется в виду пассаж из рассказа «Провинциальные чтения»:

«– Ни одной картины сегодня не продал, – внезапно заявил художник Дюхтер, так явственно, что все вздрогнули.

– Нашел, о чем страдать, – сказал Фал, не отрываясь от своего занятия. – Ты еще станешь знаменитым. Еще в Королевском музее будешь висеть. Попомни мои слова. Вот сидишь ты утром дома. Ну, сидишь себе дома, все дела. И вдруг звонок, и у дверей стоит богатый-пребогатый человек. Чего хочет этот человек? Этот человек спрашивает, можно ли ему войти. Он смотрит на твой холст и весь так прямо и бледнеет. Прямо весь становится белый, как труп, и сразу начинает выкладывать тебе на стол пачки банкнот, кипы просто, хорошенькие такие бумажки, розовые, зелененькие».

6. На открытии выставки Реве произнес следующую речь:

3 Летайте KLM (*англ.*).

«Дамы и господа!

Работа Франса Лодевейка Паннекука, приобретшая в настоящее время в неожиданных размерах признание, многие годы пользовалась репутацией у действительно крайне малой и всё же компетентной группы художников. В течение некоторого времени музеи Нидерландов закупали – в небольших, правда, количествах – его работы.

Искусство должно быть коммерческим, и художник должен по меньшей мере пытаться сделаться коммерсантом, но Франс Лодевейк Паннекук – да позволит мне наша дружба называть вещи своими именами – теперь действительно один из художников, которые фатальным образом встают на пути у себя самих и собственного искусства: это, так сказать, чудо Божье, что оба его уха еще на месте, и большое счастье, что он не хранит у себя револьвера.

Франс Паннекук никогда не делал легкой жизнь тем, кто что-то в нем видел. Проходили год за годом, пока план издания ряда его офортов в форме книги получил необходимую поддержку с его стороны, а он, как только приблизился момент появления книги, сбежал за границу. Благодаря этому на меня легла ответственность присматривать за его домом в Пиньюме, где я за несколько дней до выхода телевизионной программы, которая должна была привлечь внимание к книге „Четырнадцать офортов Франса Лодевейка Паннеку-

ка: разъяснение для рабочих“, нашел все его офорты, количеством ок. 600 шт., плавающими в воде: бурей повредило крышу, и дом затопило. Я забрал их домой, высушил на прищепках и решил, с одобрения ли, без него ли, со скандалом ли, без, продать их. Вы знаете, что импровизированная распродажа в издательском уголке у Томаса Рапа, в верхнем

этаже, на Регулиердварсстрат, была успехом: в материальном, но также и художественном смысле, поскольку знатоки и коллекционеры, не имевшие понятия о существовании Франса Паннекука, открыли для себя и оценили его.

Разумеется, Франс потом опять брюзжал по всем поводам, и, разумеется, было распродано всё, что никогда не могло бы быть распродано, и, возможно, этим вечером тоже уйдет с рук кое-что, существующее в единственном экземпляре, или то, к чему „он настолько привязался, что никогда не будет в силах расстаться“. Он это уж точно заметит, когда вернется.

Главное же здесь в том, что я наслаждаюсь честью, привилегией и удовольствием заключить, что большое, романтическое, одинокое искусство Франса Лодевейка Паннекука ни в чьей защите, ходатайстве или рекомендации больше не нуждается, поскольку, наконец, заслужило полное признание, являющееся его будущим.

Да здравствует капитализм! Благодарю вас за внимание и объявляю выставку открытой».

7. В начале февраля возникла дискуссия на тему: одно ли и то же лицо Реве и Паннекук. Огонь раздуло *Propria Cures*. В выпуске от 27 января 1968 Элза Ботенбауэр (псевдоним Теуна де Винтера[4] и Рогира Пропера[5]) в своей рубрике «Жизнь» перечислила некоторые факты, возбудившие предположение, что Реве и Паннекук – одно и то же лицо. Особенный акцент делался прежде всего на отсутствии Паннекука на всех мероприятиях, связанных с его работой. Согласно «Врейе Недерланд» от 10 февраля 1968 г. идея о мистификации началась с замечания Ламберта Тегенбоса в газете «Де Волкскрант» от 20 января, о том, что портрет Паннекука похож на портрет брата Реве. Реве собственноручно подливал масло в огонь, письменно и устно поощряя сомневающихся в существовании Паннекука. 2 февраля несколько газет официально сообщили о личностях Реве и Паннекука и были вынуждены согласиться, что их провели. Вся афера была подробно описана в «Краткой Ревиане» Клауса Бекмана и Мии Мейер: «Герард Реве и отзывы его сограждан», Амстердам 1973. Письма́ Титы Паннекук в этой книге нет, оно было напечатано 17 февраля 1968 г. в *Propria Cures*.

8. Речь идет о следующем пассаже:

«Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюби-

4 Theun de Winter (р. 1944) – журналист, поэт и копирайтер.

5 Rogier Proper (р. 1943) – сценарист и журналист.

вы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. К сим принадлежат
186 те, которые вкрадываются в домы и обольщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями, всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины».

9. Вероятно, речь идет об апелляции, последовавшей за делом, описанным в «Пароле» от 11 января 1968 г.: «Высший суд Амстердама вынес решение, что писатель Г. К. ван хет Реве освобожден от уплаты подоходного налога с Амстердамской Премии за прозу (2 500 гульденов), присужденной ему в 1963 г. Ван хет Реве получил награду за опубликованный в 1961 г. изд-вом Ван Орсхот сборник «Десять веселых историй». Писатель, в отличие от налогового инспектора, не рассматривал эту награду как трудовой доход. Началась тяжба (длившаяся пять лет – *О. Г.*), и суд постановил, что художественные премии действительно не облагаются подоходным налогом. Суд постановил, что художественные премии подразумеваются исключительно как почесть и не существует объективной связи между литературной премией и профессией писателя».

10. Гороскоп Реве был напечатан в «Телевизире» от 7 декабря 1968 г. В нем Реве изображался – выборка из многочисленных качеств – приятным человеком, смело и решительно действующим в трудных, в конкретном смысле, ситуациях, таких, как смерть от принуждения и насилия; одаренный писатель, созерцательный по природе, не свободный от недоверчивости и в целом не тяготящийся своей гомосексуальностью. Неопределенность в личных отношениях огорчает его; его карьера складывается неровно; как писатель он не ленив, но пассивен. Его финансовое положение нестабильно; со здоровьем у него всё в порядке. Отклик Реве на этот гороскоп был напечатан в том же номере «Телевизира».

Я скверный и грешный человек

С небольшой оговоркой касательно некоторых деталей я всё же должен охарактеризовать свой гороскоп как толковый и точный. Кстати, я не принадлежу к тем, кто наперекор очевидным фактам продолжает отрицать астрологию и выступать против нее: предполагать, что можно прочесть отображение характера человека в положении небесных тел на момент и место его рождения – это не нелепое верование, но простое признание факта. Тем не менее, имеется достаточно места для сомнений и критики, как только подсчитанные объективные данные истолковы-

ваются в субъективной картине, в которой неизбежно выражаются пристрастия и предрассудки астролога.

Мой комментарий, о котором просит ваш астролог, заключает в себе скорее дальнейшее уточнение, нежели оспаривание его выводов.

Возможно, это картина, которую я обычно составляю о самом себе, слишком пессимистична. Себя я по большей части вижу как «скверного, преисполненного грехами человека», но, согласно гороскопу, очевидно, могло бы быть и хуже. Я действительно верю, что в некоторой степени обладаю всеми этими великолепными и благородными качествами (чувствительность, готовность прийти на помощь, теплота и мужество), но реализовываю я их, по моему собственному мнению, весьма недостаточно, в то время как мужество мое – всего лишь мужество отчаяния.

Что касается моего страха перед нажимом и давлением и сопротивления оным, я бы хотел подчеркнуть, что ни в малейшей степени не являюсь анархистом или профессиональным бунтовщиком, а также не принадлежу к дегенератам, выходящим на демонстрацию против демократии, правового государства или неразрывного с этим правовым государством правительства. Кораблем управляют капитан и штурман, а не пассажиры; постовой, и никто иной, определяет, можно проезжать или нет; судья решает, наказуем ли проступок – это решение не за горсткой бестолковых

крикунов, требующих безграничной свободы, чтобы выказывать свое разочарование любыми угодными им способами.

Что я ненавижу, так это власть, которая есть не истинное правительство, а узурпировавшее власть, злоупотребляющее властью псевдоправительство: власть я могу терпеть, но не выношу над собой псевдовласти. Не безупречный, неподкупный, работящий служащий возбуждает мою ненависть, а карикатура на него; тираны за своими надежными окошками и бургомистры, комиссары полиции или государственные обвинители, занимающие судейский стул. Они пробуждают во мне не столько страх, сколько легко перерастающую в бешенство ярость.

«Преисподняя» действительно увлекает меня «духовно» (бессознательные глубины, ночная сторона нашего существования, Смерть) и «телесно» (плотская Любовь, жизнь влечений), но «социально» меня волнует преисподняя Страданий, «Униженных и Оскорбленных», и определенно не преступлений, к которым я питаю отвращение.

То, что я «пассивно», «медиумически» и «выжидающе» настроен по отношению к вдохновению, не вполне верно. В конечном итоге я, разумеется, совершенно завишу от него, но тот, кто ожидает исключительно вдохновения, никогда не сможет написать ни слова. Я превосходно знаю, что Господь позволяет дереву в моем саду расти и приносить плоды, но лишь

только если я его посажу, стану удобрять и подрезать. Я полностью осознаю, что Дух в конце концов устремляется, куда ему самому угодно, но если я день за днем не стану корпеть за письменным столом, я никогда не смогу ощутить Его дыхания. Я пассивен не в работе над моими книгами, но в окончательном видении своего труда: Господь обнаруживается в нем, но я должен писать, зачеркивать, писать заново, улучшать, переписывать и отпечатывать – у Бога на это времени нет.

Способный финансист – нет, таковым я уж точно не являюсь, хотя в деле обращения в золото своей писанины я определенно не столь скверный коммерсант. Из страха перед мотовством я, однако, редко могу тратить вырученные деньги с долгосрочной перспективой или на широкую жизнь, и до некоторой степени – чего, в сущности, можно было бы избежать – терплю убытки. Только недавно я перестал переживать из-за цента или пятака, бесследно затерявшегося на полу в молочной лавке, вместо того, чтобы с налившейся кровью физиономией и пережатой воротником глоткой искать, задыхаясь, монету, пока с рубашки не отлетит и также не исчезнет верхняя пуговка. В некоторых отношениях я очень щедр, но меня с головы до ног начинает трясти, если из моего дома кто-то звонит по междугороднему дольше двух минут.

Возможно, мой Плутон в двенадцатом доме более важен, нежели мой Марс в его собст-

венном знаке, Скорпионе; «Марс в Скорпионе» – годное для продажи название, «Плутон в Двенадцатом» – в меньшей степени.

И впрямь, не надо мне было распускать руки. Пусть даже «поэт, или писатель, или и то и другое, или ни то, ни другое, С. В.[6]» двадцать раз заслужил этот пинок, я себе всю жизнь не смогу простить, если причинил ему увечье, и риск такой существовал и будет существовать. Ваш астролог не рассказал мне здесь ничего такого, чего я бы не знал уже давно, но за предостережение я ему признателен и благодарен.

(«Телевизир», 7 декабря 1968)

Примечания подготовила
Ольга Гришина

6 Симон Винкеног.

Франс Лодевейк Паннекук. «Герард Реве как пилигрим по дороге к концу».

Издательство «Митин журнал»
представляет книги Герарда Реве

ЦИРКАЧ

В этом романе Народный писатель Герард Реве размышляет о том, каким неслыханным грешником он рожден, делится опытом проживания в туристическом лагере, рассказывает историю о плотской любви с уродливым кондитером и получении диковинных сластей, посещает гробовщика, раскрывает тайну юности, предается воспоминаниям о сношениях с братом и непростительном акте с юной пленницей, наносит визит во дворец, сообщает Королеве о смерти двух товарищей по оружию, получает из рук Ее Светлости высокую награду, но не решается поведать о непроизносимом и внезапно оказывается лицом к лицу со своим греховным прошлым.

ПИСЬМА СИМОНУ К.

Герард Реве дорожил своими письмами Симону Кармиггелту (1913–1987). Он считал послания друзьям отдельной частью своих сочинений, эквивалентной романам и рассказам. Переписка с Симоном К. продолжалась с 1971 по 1975 год. В это время Реве работал над лучшими своими книгами – «Язык любви», «Милые мальчики» и «Циркач». Реве пишет «собрату по перу» о депрессиях и литературных успехах, политике и коварстве алкоголя, превратностях любви и милости Богоматери.

Издательство «Митин журнал»
представляет книги Герарда Реве

МИЛЫЕ МАЛЬЧИКИ

Достоин зависти человек, который впервые открывает книгу Герарда Реве. Российским читателям еще предстоит проникнуть в мир Реве – алкоголика, гомосексуалиста, фанатичного католика, которого привлекали к суду за сравнение Христа с возлюбленным ослом, параноика и истерика, садомазохиста и эксгибициониста, готового рассказать о своих самых возвышенных и самых низких желаниях. Каждую секунду своей жизни Реве превращает в текст, запечатлевает мельчайшие повороты своего настроения, перемешивает реальность и фантазии, не щадя ни себя, ни своих друзей.

ПО ДОРОГЕ К КОНЦУ

В романах «По дороге к концу» и «Ближе к Тебе» Реве нашел свой стиль: непрерывный поток размышлений, воспоминаний и описаний незначительных, на первый взгляд, событий, из которых он творил собственную вселенную, царство ревистской теологии. Говорит ли он о Выпивке, Боге или Беспощадном Мальчике, его многословный, возвышенно-комический стиль заставляет читателя плакать и смеяться одновременно.

Издательство «Митин журнал»
представляет книги Герарда Реве

МЕЛАНХОЛИЯ

Повесть «Меланхолия» – первый английский текст Герарда Реве – вызвала недовольство министерства культуры Нидерландов. Чиновники сочли непристойной сцену мастурбации и отказали Реве в стипендии для заграничной поездки. В знак протеста писатель объявил о своем решении эмигрировать. Несколько лет он провел в Лондоне. В сборнике «Меланхолия» собраны произведения Реве, написанные в Англии.

ВЕРТЕР НИЛАНД

Рассказ – страниц, скажем, на сорок, – означает для меня сотни четыре листов писанины, сокращений, скомканной бумаги. Собственно, в этом и есть вся литература, все искусство: победить хаос. Взять верх над хаосом и подчинить его себе. Господь создал все из ничего, будучи и в то же время не будучи отрицанием самого себя. Ни изменить этого, ни соучаствовать в этом человек не может. Но он может, словно ангел Господень, обнаружить порядок там, где прежде царила неразбериха, и тем самым явить Господа себе и другим.

Издательство «Митин журнал»
представляет книги Герарда Реве

ТИХИЙ ДРУГ

Три истории о невозможной любви. Учитель из повести «В поисках» (1995) следит за таинственным незнакомцем, проникающим в его дом; герой «Тихого друга» (1984) вспоминает встречи с милым юношей из рыбной лавки; сам Герард Реве в знаменитом «Четвертом мужчине» (1981), экранизированном Полом Верховеном, заводит интрижку с молодой вдовой, но мечтает соблазнить ее простодушного любовника.

ПИСЬМА МОЕМУ ВРАЧУ

С 1963 по 1980 г. Герард Реве переписывался с врачом Яном Гротхёйзе, который помогал ему преодолеть депрессию, вести борьбу с Королем Алкоголем, лечил Реве и его милых мальчиков от различных недугов, а позднее стал психоаналитиком. Спиртное, религия и смерть – темы, которые доминируют в письмах Реве. Гротхёйзе опасался, что писатель наложит на себя руки, однако покончил с собой не пациент, а врач.

Издательство «Митин журнал»
представляет книги Герарда Реве

МАТЬ И СЫН

Мать – это Святая Дева Мария, а сын – сам Реве. Писатель рассказывает о своем зародившемся в юности интересе к католической церкви и, в конечном итоге, о принятии крещения. По словам Реве, такой исход был неизбежен, хотя и шел вразрез с коммунистическим воспитанием и его открытой гомосексуальностью. Единственным препятствием, которое Реве пришлось преодолеть для того, чтобы быть принятым в лоно церкви, являлось его отвращение к католикам. На страницах книги Реве ищет не только духовного единения с Девой Марией, но и плотского союза с идеальным партнером – юным вокзальным носильщиком, которого он окрестил Матросом. Мечтая о новой встрече с Матросом, автор не забывает и о других «милых мальчиках».

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications» можно приобрести в *Москве:*

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo», ул. Солянка, д. 1/2, стр. 1

в *Санкт-Петербурге:*
«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор
«Мы», Невский проспект, д. 20

через *Интернет:*
«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Лабиринт» labirint.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на *Украине:*
«Либра» librabook.com.ua